

Звения Мэйз

НЕ ТОТ МУЖ. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Звения
МЭЙЗ

Не тот
МУЖ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Евгения Мэйз

Не тот муж. Возвращение

<https://litres.ru/74207452>

Аннотация

ПЕЧАТНАЯ КНИГА НА ВБ И ОЗОН

– Ты выйдешь за меня, Ида? – спросил Илья, встав на одно колено. Я не мечтала выйти за него замуж и видела на его месте совсем другого человека. Но мне сделали предложение, а я решила не отказываться и попробовать стать счастливой. Моему сыну нужен отец. Тот, глядя на которого, он будет учиться быть настоящим мужчиной. – Убери руки от моей жены! – проговорил тот, чей голос я желала услышать хотя бы раз и не вспоминать одновременно. – Немедленно! Много лет я считала его погибшим. Еще дольше тайно грезила о том, чтобы быть вместе с ним. Но теперь я точно разведусь, потому что я ненавижу этого самодовольного, эгоистичного, жестокого и не считающегося ни с кем... Или нет?

1-ая книга "Не тот муж"

#(Не) по любви²

(Не) по любви

#Мама в отместку

#Мама на фоне измены

#Мой бывший босс

#Мой ребенок Тигра

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	47
Глава 6	57
Глава 7	68
Глава 8	78
Глава 9	88
Глава 10	99
Глава 11	109
Глава 12	121
Глава 13	131
Глава 14	141
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Глава 1

Глава 1

– Еще один абзац, – проговорила я, потеряв переносицу.

– Только один и все!

Я выпрямилась, едва откинувшись на спинку жутко удобного кресла. Его подарили домочадцы и оно не нравилось ба, потому что портило внешний вид комнаты. Но оно не стало любимым и для меня. Даже наоборот – я возненавидела его за эти три года.

Раньше, мне казалось, что я терпеть не могу английское кресло с ушами. Но оно хотя бы давало мне повод пройтись по этажу, заглянуть к Алексу в комнату и поцеловать его крохотный нос. А теперь решила, что все-таки люблю его.

А это... Оно было удобным и за ним и просиживала, вечерами готовясь к урокам и корпя над переводами, дающими мне заработать какие-никакие, но деньги. Свои собственные, а не данные мне бабулей, папой или дядей Андреем с Мариной.

– Пора заканчивать, Ида, – проговорила ба, оказавшись рядом совершенно магическим образом. – Или, завтра ты не проснешься.

Я не заметила, как она подошла ко мне, вновь увлекшись переводом. Перевела больше, чем абзац, пускай и в черновом виде.

– Ты знаешь, что это не так, – ответила я, посмотрев на затупившийся карандаш. – Завтра я еду к папе, а послезавтра большой день – у Сашки день рождения.

Не просто день рождения, а большое путешествие в Зеленоанск. Этот год принадлежит папе. Мы договорились о такой очередности. Он до сих пор обижался на бабулю (как и она на него) и сейчас уже не разберешь за что больше. Я, по правде говоря, не хотела ковыряться в этом. Что было то прошло. Но отказывать отцу во мнении не собиралась.

– А ты будешь с красными глазами.

– До первой чашки кофе.

Вернее до первого бутерброда в Люсином исполнении. Они у нее такие, что нет никакого морального права есть и спать над ними. Они не просто вкусные, но и красивые, а все, потому что кухарка Спасских увлеклась фуд дизайном.

– Ты знаешь, что после моей смерти тебе достанется все, – вдруг проговорила бабушка, резко сменив тему с одной на другую. – Зачем ты делаешь это?

Впрочем, ба не стремилась поссориться, а просто спрашивала, как делала это обычно.

– Мне не нравятся разговоры о кончине, какой бы неизбежной она ни была для всех нас, – проговорила я, щелкнув по иконке дискеты. – Психолог сказал, что это нормально.

Я закрыла ноутбук, запустила карандаш в стаканчик для канцелярии и убрала блокнот в стол.

– Это старость во мне говорит, Ида, – сказала ба, нарушив

молчание и перестав смотреть куда-то вдаль. – Вроде не думаю ни о чем таком, а оно все-таки проскакивает, показывая, что творится в моем подсознании.

Ба много раз говорила, что не боится конца. Но я не верила в это. Страшен не он, а перспектива потери близких и родных перед открывающейся неизвестностью.

– Я тебя люблю, ба, – проговорила я, потянувшись и обняв ее. – И не хочу терять.

Объятия объятиями, но надо было отвечать на заданный вопрос, иначе бабуля бы не отстала от меня. Она ждала, глядя на то, как я навожу порядок на столе.

– Потому что может случиться всякое – ответила я, повторив данный мне жизнью урок. – Я хочу, чтобы у меня были свои деньги на покупки, на подарки, на репетиторов для Сашки и на его будущее в конце концов.

Бабушка цокнула. Ей почему-то не нравился этот вариант имени Александра Николаевича. А вот меня бесило это непонятное «Шура», как зовет она его, когда тот начинает резвиться активнее обычного.

– Я откладываю что-то на его учебу, что-то на себя, а что-то просто, чтобы было и преумножало капитал семьи Спаских.

– Ты Карамзина, – поправила ба, но тут же замяла эту тему, зная, что она не приведет ни к чему хорошему. – Ты все еще злишься на меня за Лондон.

Как-то Аделаида Георгиевна завела тему о смене фами-

лии и вот тут-то ее не понял никто. Некоторые из домохозяек даже засомневались в ее рассудке.

– Я все еще помню, что случилось в Лондоне – поправила я и тут же добавила, чтобы промедлением не создавать новый повод для разговоров. – Мне не понравилось.

Мне пришлось по душе состояние независимости ни от кого и ни от чего. Так, что я даже поняла людей с баснословными состояниями – они обладали максимальной свободой от преград этого мира.

– Ты помнишь почему я заблокировала карту?

– Помню, – ответила я, вынув из корзины игрушки сына и расставив их на уже опустевшем рабочем столе. – Ты закрыла ее после того, как кто-то стал расплачиваться ей в супермаркетах, а после оплатил попойку в клубе.

Но точку в нашем с ним общении поставили вовсе не распечатки банка, которые мне показала бабуля, а СМИ.

Не подделка «Times» с новостью о моей помолвке с Николасом и даже не интервью, которое Костя дал британской прессе, а то, что нарыли на него британские журналюги.

– Не кто-то, а этот прокурорский сынок, – выдала ба с так и не утихшим гневом – с которым ты чуть было не связала свою жизнь!

Он оказался внебрачным сыном того самого прокурора на которого якобы напал мой папа.

– А до этого твоя мама, – продолжила она и даже повертела головой, ища что-то. – Мерзкая и подлая семейка!

Способ бабушки, которым она оградила меня от Краснова, до сих пор поражал воображение. Не только мое, но и дяди Андрея. Он очень долгое время отказывался общаться с ней дальше «привет, как дела?»

– Вот уж точно – от осинки не родятся апельсинки!

Она считай подставила внука ради своей интуиции и романтических представлений.

Хорошо, что ничего не вышло, и регистраторша оказалась не из болтливых.

Но ба продолжает утверждать, что это не она и всё тут!

– Насчет завтрашней поездки...

Я засобиралась в ванную, осознав, что снова-здорово началось!

– Я тебя прошу не поднимай эту тему – попросила я, сложив плед и убрав его в шкаф. – Ни ты, ни папа не желаете уступать друг другу, а я не собираюсь ни мирить вас, ни быть третейским судьей.

Они взрослые люди и у них мнение, как говорит Люсьен. А у меня вся эта ситуация уже в печенках сидит!

Боже мой!

Я полностью пропиталась мыслями своих домочадцев! Скоро начну дребезжать на Сашкином языке. Я уже понимаю, чего он хочет и что именно имеет в виду!

– Постой, Ида, – остановила ба, взяв меня за руку. – Я не прошу тебя об этом, а предлагаю тебе подумать об общении с родней Алекса с другой стороны.

Я даже рот открыла в ответ. Совершенно по-глупому надо сказать. Просто удивительно слышать подобное от гордой и независимой ба. Если дело касается семьи Элджеронов, то ба просто-напросто перестает замечать их многочисленные изъяны.

– У Николаса есть отец, и он не сделал тебе ничего плохого.

– Ты предлагаешь напроситься к нему в родственники? – спросила я, приподняв брови от пришедшей на ум догадки. – Он не дал знать о себе до сих пор.

Объяснение тут очень даже просто – это не было так уж и нужно ему.

– Он может не знать о нем до сих пор.

Ба права – с родственников Николаса случилось бы не рассказать ему об этом. Но все равно это было как-то чересчур.

– Бабуль, ты предлагаешь написать ему письмо?

Я хочу свернуть этот разговор, потому что мне становится больно думать об этом.

Прошло столько лет, а я все никак не могу смириться с тем, что произошло. Каждый новый год, день рождения и при любом удобном даже глупом случае загадываю одно и тоже желание «пусть он будет жив!»

Нелепо? По-детски? Ну и пусть! Я хочу этого всеми фибрами души!

Сейчас же мне больно потому что я чувствую, как невыносимо будет смотреть на то, как Саньку держит отец Нико-

ласа; как я стану смотреть на них двоих и увижу знакомые черты; как в один прекрасный момент поймаю себе на мысли, что тот самый человек не увидит и не научит сына тому, что умел один только он.

– Твое право не желать общаться с ними, – проговорила ба, крепко сжав палку. – Но ты не можешь не признать то, что Алекс должен общаться с бабушками и дедушками.

Что-то все-таки уложилось в голове прабабушки. Жаль, что на это понадобились годы.

– Делать шаг первой и признавать ошибки кому бы они не принадлежали, – сказала ба, как будто бы прочитав мои мысли. – Это и значит быть взрослой.

– Ба, я подумаю об этом, – пообещала я совсем не уверенная в этом, но тут же потребовала. – Прошу не предпринимать ничего, не получив мой однозначный ответ по этому вопросу.

– Научилась! – проворчала Аделаида Георгиевна, но в противовес этому ее глаза просияли. – На мою голову!

Три курса МГИМО научили меня кое-чему. Хотя, теперь я была совсем не уверена, что мне нужно это. Не потому, что не хотела учиться в универе мечты, а потому что понимала, что после всего случившегося карьера дипломата закрыта для меня.

– Расскажи мне всю правду, – попросила я, проводив ее в спальню. – История о том, что ты предвидела все и навидалась в жизни всякого, а потому решила сократить и упро-

стить нам путь хороша, но этого недостаточно.

Ба пропустилась на кровать, уже не возражая на то, что я стала помогать ей приготовиться ко сну.

– Потому что ты удивительно похожа на меня.

Аделаида Георгиевна говорит, что, глядя на меня видит свою жизнь, но только без всех этих дурацких гаджетов, которые записывают каждый шаг богатеньких лентяев. Не только обеспеченных, но и простых смертных, но я не спорю с ней, убирая в шкаф туфли.

– Роберт шестьдесят лет тому назад косячил не хуже Николаса.

В ответ на мои приподнятые брови она кивнула, словно соглашаясь с ней и подтверждая, что нет слова лучше, чтобы описать непростительные ошибки.

– Из раз в раз он попадал в компрометирующие истории одна хуже другой. У него было много увлечений до встречи со мной, а поклонниц еще больше. Последней каплей в чаше моего терпения и накопленных обид была такая: я узнала о его помолвке из утренней прессы.

Я даже замерла, поймав себя на очередных подозрениях, что это ба, а не Краснов устроили подставу с газетой. Вот только Костя принес ее мне, купив в супермаркете. Устроить подлог такого масштаба? Я не считала это реальным. Да и какое значение это имело теперь?!

– Вот только я не учла тот момент, что «Таймс» в те времена порядком сдал, а также того, что среди поклонниц Ро-

ба хватало тех, кто обладал связями и возможностями выкинуть подобную шутку.

– Это уважаемое издание с серьезной репутацией, – произнесла я, убирая свернутый плед. – С каких пор она перестал иметь значения для них?

– Что тогда, что сейчас были в ходу невинные шутки, которые никогда не понимали воспитанные в строгости серьезные девчонки.

Ба рассказывает мне, как вспыхнула, узнав о предательстве. Роберт не просто использовал ее, а заставил поверить ему и даже подставил перед родной страной.

– Связь с ним не просто ставила под угрозу мою карьеру, а перечеркивала ее напрочь.

Я знаю, как обстояли дела в те времена. Мир действительно был проще, чем сейчас, но он готовился стать сложнее, обрастал не то броней бесчувственности, не то бородавками бесчеловечности.

– Но разве та шутка не реабилитировала тебя в глаза руководства и не показала, что все подозрения в твоей неблагонадежности не стоят выеденного яйца?

– Ты так уверена в том, что тогда я была такой же мудрой и осторожной, какой выгляжу сейчас? – поинтересовалась женщина не без насмешки. – Я была темпераментна, смела и влюблена в этого проходимца.

Она выбрала очень хорошее слово. Я бы также охарактеризовала Николаса и назвала, представься мне такая воз-

мoжнoсть.

– Совсем, как ты, Ида. С меня бы сталоcь отправиться в особняк, перелезть через ограду и отхлестать по щекам этого негодяя.

Я присела возле нее, улыбнувшись воспоминаниям. Тот поступок и правда был безумием.

– Вот только я не знала его адреса, представляешь? – выдала ба совсем тихо, поддавшись воспоминаниям. – Виктор Алексеевич Рахнин отправил меня в Богом забытое Перу, где я узнала, что я беременна от Роберта.

– Ба, не хочешь сказать, что мы...

Мне даже подурнело от таких перспектив.

– Спокойно, Ида, я женщина широких взглядов, но не до такой степени, чтобы выдать правнучку за ее дядю, – сказала ба, совсем другим голосом. – Вместо того, чтобы вернуться и рассказать о своем положении, я приняла предложение о замужестве, родила дочь и старалась не вспоминать о Роберте.

Ей было сложно, как и мне смотреть на Евангелину и не думать о нем. Но только тиф забрал у нее и это воспоминание.

Глава 2

Глава 2

– Не пойму, чем вы будете заниматься там, – спросила бабушка, поглядев в нашу сторону. – Дыра ведь!

Я выбралась из авто, вновь обняла беспокоящуюся бабулю, шепнув ей, что все обязательно будет хорошо со мной. Но не смогла не вспомнить того, кто однажды выразился подобным образом о родном городе. В сердце кольнуло, но я проигнорировала этот укол, не став задумываться над этим. Когда-нибудь я обязательно забуду Николаса и перестану видеть знаки там, где их нет.

– Будем дома послезавтра, – пообещала я, сев обратно, но опустив стекло в двери. – Ты и глазом не успеешь моргнуть!

Телефон пилькнул, а потом выдал целую трель от присылаемых в мессенджер сообщений. Но Алекс в кресле быстро прекратил это безобразие – заговорил на своем языке и загомонил, требуя, чтобы мы поторопились. Путешествия были его страстью. А смартфон как будто испугался его – замолк.

– Не думаешь же, что так просто отстала от меня? – бабушка улыбнулась и сделала шаг назад. – Позвони мне на Вотсап вечером.

Беспокойство бабули было не просто милым. Два года тому назад Зеленоанск «сделал» попытку не принять меня обратно. Он ополчил против меня некоторых знакомых и по-

пытался освиистать за что-то, что, по его мнению, не было признаком успеха.

Но у него ничего не вышло из этого.

Во-первых, я вернулась в родной город только когда родился Алекс. Во-вторых, мне было плевать, что говорят обо мне и в каком тазу моют кости, потому что была занята сыном. В-третьих, со мной была бабуля со вбитыми ею знаниями, а еще серьезный и редко улыбающийся Алекс, сильно изменившийся папа и Илья. В четвертых, я выполнила то, что мечтала и даже сверх того – родила самого лучшего ребенка на свете.

– Ид, позвони мне, если что, – напутствовал мне Дима, перед отъездом. – Сначала мне, а потом все остальным.

– Договорились, – пообещала я, оглянувшись на подъезд, из которого вышел папа. – Но ты брось беспокоиться обо мне, иначе я тоже стану делать это.

Я не стала провожать Диму взглядом, повернулась и пошла в знакомый мне подъезд с запахами, которые и не снились Парижу.

– Опять надавали еды, – пробурчал папа, чмокнув меня в щеку. – Когда уяснят, что ты едешь не в Корею, а в Подмосковьё, в котором работают все те же магазины, что и в Москве?

Не знаю с чего папа решил, что в Корее свирепствует голод. Но рассказывать ему, как обстоят на самом деле не стала. Мир продолжал волновать меня, но затевать разговоры

об учебе или о будущем не хотелось.

– Они на что не намекают, пап, – проговорила я, поднимаясь по ступенькам. – Просто Люся хочет порадовать тебя своей стряпней.

– Любася тоже неплохо готовит, – пробурчал папа. – Обижается на эти гостинцы.

Год назад у папы появилась женщина. Громкая и постоянно готовящая что-то Любава понравилась мне, несмотря на то что была полной противоположностью мамы. Наверное, было бы иначе, если бы отец выбрал кого-то, кто был бы похож на нее.

– Я поговорю с ней, – пообещала я, коротко вздохнув при этом – и попробую убедить приготовить что-нибудь в ответ для московской стороны.

– Тоже решение, – согласился папа, а потом добавил. – Насколько приехали к нам в этот раз?

В спокойном голосе отца все-таки проскользнули нотки враждебности.

– Как обычно – послезавтра обратно.

Папа кивнул, но вопреки знаку согласия возразил.

– Могла бы остаться на выходные.

– Что мы будем делать здесь так долго? – поинтересовалась я, уже слыша довольные повизгивания сына. – Ты и Люба вечно на работе.

– Тоже, что и в Москве, – откликнулся папа.

Папа завел обычную тему. Хотя, я и не делилась с ним

разговорами с ба, но тот, как будто знал о них и тянул оде-
яло на себя. Из вредности конечно же. Потому что я права.
В Зеленоанске можно только работать. За учебой и досугом
местные отправлялись в Москву.

– Там у меня учеба.

– А чтобы ты делала, если бы не приняли бы они тебя об-
ратно?

Я не ответила ему на этот вопрос, потому что он был та-
ким себе по дипломатичности. Это не они отказались при-
нимать меня, а он устроил фирменную истерику, узнав о мо-
ей беременности. А как еще было воспринимать его фразу:
«ты должна была спросить разрешения у меня!» и «позор на
мою седую голову!»?

– Видел твоего оболтуса, – сказал отец, неспешно подни-
маясь на родной четвертый этаж. – Спрашивал, когда прие-
дешь.

Этот аргумент был хорош. Но папа вряд ли признал бы
это. Предъяви я ему это, то он обязательно бы сказал, что
это просто к слову пришлось. Вот только мой новый, но уже
давний знакомый Илья тоже пропадает сутками на работе –
в конце учебного года особенно. Только в фильмах школь-
ный учитель после окончания занятий подхватывает пиджа-
чок и спешит в кино, а в реальности он занимается на допах
по учебной и не учебной программе, проверяет домашку и
заполняет электронные дневники. Только выходные, празд-
ничные и отпускные дни он предоставлен сам себе, а в слу-

чае с Ильей – этот трудоголик продолжает заниматься репетиторством на дистанте.

– Прямо-таки моего? – спросила я, остановившись возле двери. – Сколько ты отказывался дать ему номер?

Мне немного смешно от этой попытки отца вернуть меня на малую Родину. Он сам только что назвал его оболтусом, выдав свое первое отношение к нему. Тот день когда они познакомились друг с другом мне не забыть никогда – отец чуть за спину меня не спрятал.

– А надо было сразу вручить? – спросил отец, вдруг улыбнувшись давно забытой улыбкой. – Ничего и никому не должно доставаться просто так.

Отец намекал на Николаса или мне только показалось это? Но даже если так, то сейчас было плохо говорить так, потому что о мертвых либо хорошо, либо ничего.

– Иначе, это просто не ценится.

Я покачала головой, потянув дверь на себя, но папа остановил меня.

– Он хороший парень, дочка.

– Мы друзья и только, – упрямо заявила я, не желая воспринимать всерьез однажды появившегося в моей жизни приятеля.

Дружба с Костей научила меня не доверять нравящимся всем и вся мальчикам. А Илья был именно таким, несмотря на то что был полной противоположностью Краснова.

– Так ты приглядишься к нему повнимательнее, – посовето-

вал папа, а потом пропустил меня вперед. – Тогда будет не просто друг.

Я не успела спросить у него, что именно вдруг заставило его сменить гнев на милость. Но мимо нас промчались две торпеды, заставив забыть обо всем. Одна из них лаяла, а другая визжала, пытаясь схватить первую за куцый хвост.

– Айка! Айка! Айка!

Сын остановился, поглядев на нас, повторил еще раз «Айка!», а потом унесся в большую комнату, опрокинув там что-то.

– Это что у нас такое? – спросила я, проследив за пробежавшими мелкими. – Непонятное, чудное?

Несмотря на то, что в воспитание Саньки занимались все от мало до велика, я говорила стихами Барто и сейчас не могла не заметить этого.

– Это Терри, – сказал отец, поморщившись при этом. – Подарил Любасе на новый год.

Видеть в доме собаку было странно. Когда-то мы не могли позволить ее по двум разным причинам. Ослабший иммунитет мамы и плачевное финансовое положение. Но теперь она была – походила на уменьшенную копию добермана, громко лаяла, убегала и, не дождавшись замешкавшегося Алекса, возвращалась за ним, чтобы продолжить увлекательную забаву.

– Выпросила недоразумение! – продолжал бурчать папа. – Гулять с ней не надо – поставил в горшок с цветком и вся

прогулка!

Люба появилась в коридоре сразу же после того, как отец произнес ее имя.

– Вот ты еще что-нибудь скажи, девчонке! – потребовала она сердито и кольнула черными глазами в его сторону. – Чудная она у нас и хорошая!..

– Так я не о тебе, а собаке.

– Ну-ну!

Любася заключила меня в мягкие и пахнущие ванилью объятия.

– Бурчит, а сам любит ее и гуляет по утрам – проговорила она, а потом шепнула. – Рада видеть тебя, девочка.

Потом она отклонилась в сторону, посмотрела на меня так как давно не смотрел никто – теплым и ласковым взглядом, да и оглянулась на вновь влетевшего в коридор сына, который замедлился, как делал это всегда, чтобы все могли полюбоваться им и высказать свои восхищения им и, получив их, рванул на кухню.

– Ой-ой-ой! Сашка! Тебе нельзя туда! Держи его, Паш! Держи!

Я улыбалась, стягивая с ног босоножки. Где бы ни появился мой Алекс, жизнь в том месте прекращала течь в прежнем русле. Она становилась такой живой. Уж простите за каламбур.

– Пап, а мы ждем еще кого-то? – спросила я, дернувшись от резкого звонка в дверь.

Каждый раз обещала себе, что привезу новый и забывала об этом.

– Ид, открой дверь! – крикнул папа, смеясь, и, кажется, поэтому не услышал меня. – Ты ведь еще в коридоре?

– Да, сейчас.

Поставив обувь на полку, я повернулась к двери и распахнула ее, честно говоря, ожидая увидеть Илью. Я, как раз читала его сообщения, в которых он уже в который раз просил меня ответить ему.

Он спрашивал, когда я приеду. Интересовался, а увидимся ли мы сегодня? Просил не молчать и требовал прекращать играть с ним в эти женские игры.

Его нетерпение заставляло и хмуриться, и улыбаться, задаваясь вопросом: откуда вдруг выросло это. Как говорится: ну нормально же общались!

– Не вытерпел?.. – спросила я и тут же осеклась, схватившись за дверной косяк.

Я почувствовала, как схлынула кровь, а потом вообще делась куда-то, потому что ноги подкосились и закружилась голова.

– Привет, Ида, – сказал мужчина из моих воспоминаний стоило свету квартиры упасть на его лицо. – Прекрасно выглядишь.

Это был Дэнис. Я подалась вперед, оглядела подъезд и отступила назад. Он был один и этот факт убил во мне что-то. Ощущение не было новым. Я привыкла к нему. Было время,

когда меня уничтожал каждый наступивший день.

– Все в порядке? – продолжал говорить Дэн. – Ты побледнела.

– Все в порядке, – начала говорить я, а потом оборвала себя. – Подождите минуту, пожалуйста.

Я понимала зачем он пришел. Поговорить. Не навестить. Этого он не делал прежде. А я не пожелала впускать его в дом, потому что он не был мне никем и потому что я не хотела портить возникшую с нашим приездом идиллию – отец бы расстроился. Потому что гость говорил на французском, а если и мог говорить по-русски, то все равно акцент выдал бы его.

– О чем вы хотели поговорить со мной, – спросила я, прикрыв за собой дверь, но прежде предупредив родных, что отойду ненадолго.

Подъезд погрузился в темноте, а Дэн стал чудовищем из призрака оперы.

– Я не поговорить, а отдать вот это.

Он протянул мне увесистую пачку с документами. Я не приняла ее так сразу.

– Пойдемте на улицу, а еще лучше пройдемся немного – предложила я, указав в сторону света. – Вы объясните, что это и не станете мучать загадками.

Мы вышли во двор, оказались под прицелом откуда ни возьмись взявшихся престарелых соседок нашего дома.

– Пройдем еще немного – предложила я, мысленно по-

морщившись их компании.

Они уже смотрели на нас с жадным любопытством. Не хватало еще, чтобы подслушали, а завтра, чтобы мне вынес мозг папа очередным таким важным и не нужным чужим мнением.

– Это документы на завод, – сказал Дэнис, вновь протянув мне папку. – Он теперь твой.

Я очень удивилась, но папку брать в руки не спешила. Вновь. Потому что оказалась слишком потрясенной неожиданно свалившимся даром.

– Почему вы решили отдать мне их сейчас? – спросила я, с подскочившим к горлу сердцем.

Мы остановились недалеко от пустыря, где произошло мое первое знакомство с Николасом.

– Не год или три тому назад?

Признаю, что даже сейчас, спустя столько лет, я продолжала надеяться на что-то. Да не на что-то, а на вполне конкретное чудо.

– Потому что родственники оспаривали его завещание все это время – ответил Дэн, продолжая вглядываться в мое лицо темными глазами. – Но суд решил, что ты имеешь права на эту долю недвижимости.

Мне не хотелось спрашивать почему родственники Николаса пошли на это. Я знала об их предвзятом отношении.

– Я занимался всеми делами завода и потому мне поручено передать его тебе.

Я взяла папку и, повертевшись на месте подошла к авто, которое все это время следовало за нами.

Открыв, я вчиталась в строки, несмотря на слезы, которые сделали картинку мутной, сморгнула несколько раз и пробежала по строчкам. Все было оформлено на английском, но я хорошо понимала написанное. Учеба и работа переводчиком расширили мой словарный запас до неприличных для иностранца размеров.

Но я засмотрелась на подпись Николаса. Она была такой размашистой и при этом очень аккуратной, всем своим видом показывая, что она принадлежит подданному чопорного королевства.

– Вот мой телефон – сказал Дэн, подвинув свою визитку.
– Позвони мне, как придешь в себя, и мы подпишем все бумаги.

Я убрала картонку к остальным бумагам, защелкнула кнопку папки и повернулась к нему.

– Только не тяни и, пожалуйста, предупреди заранее, – попросил он, не сводя с меня темного взгляда. – Я соберу всех, кто должен присутствовать в этом деле.

Моя бровь вопросительно приподнялась.

– Чтобы не мотаться из одного конца города в другой
– Я позвоню вам, как только свяжусь со своим адвокатом,
– проговорила я, в миг обрадовавшись тому, что откладывала все это время. – Вы были на его похоронах?

Что-то изменилось во взгляде Дэна. Я же подумала, что

зря спросила это. Ничего бы не изменилось с того, что был.

– Мне тоже не хватает его, Ида, – проговорил Дэн, но тут же добавил то, что заставило меня напрячься. – Он был непростым, но очень интересным человеком.

В моих ушах еще звучали его слова, когда я возвращалась домой. Что-то привлекло мое внимание в этой фразе, но я не могла понять, что именно.

– Артем Максимович, здравствуйте, – проговорила я, как только юрист ответил на мой звонок. – Вы очень нужны мне и по очень серьезному делу.

Глава 3

Глава 3

– Пап, мне нужно отъехать ненадолго, – проговорила я, сев в машину к Диме. – Вернусь через два или три часа.

Конечно, я говорила с ним по телефону. Никак не лично. Потому что иначе он мог догадаться, что случилось что-то.

– Не успела приехать, а уже уезжаешь, – ответил родитель, но в этот раз без слышимых обид и претензий. – Но не беспокойся ни о чем.

Я посмотрела в зеркало заднего обзора, кивнув и тем самым дав знак, что теперь уже можно отправляться обратно в первопрестольную.

– Приглядим за Сашкой, – продолжал говорить с какой-то радостью и гордостью. – Он ведь совсем большой у нас!

Я улыбнулась прозвучавшей в его голосе гордости.

– Мужик!

Судя по довольным звукам на другом конце трубки, родители тешкались с внуком, были довольны и не слышали в моем голосе ничего такого, что выдало бы мое состояние.

А оно было. Меня трясло, если быть краткой.

Дима и тот почувствовал это, когда я попросила его вернуться, забеспокоился и вернулся в максимально короткие сроки. По-моему, он нарушил внушительный список правил дорожного движения.

– Рассказывай, что случилось, – пробасил водитель, как только я отпустила телефон. – Обещаю, что не расскажу ни о чем Аделаиде Георгиевне.

– Клянись Анфисой, Соней и Томой, – потребовала я, уменьшив звук на смартфоне. – Только тогда расскажу.

Дима сделал это – поклялся детьми, что не станет рассказывать бабуле ничего раньше времени. Мне не нужно было, чтобы та стала накручивать себя раньше времени, а еще хуже волноваться. Ей беречь себя надо. Но вместо нее это делали мы – ее родственники, забыв обо всех прошлых прегрешениях с ее стороны.

– Николас оставил мне в наследство завод, – проговорила я, подняв папку для пущей убедительности. – Дэн нашел меня сегодня, огорошил новостью и передал это.

Во мне жила или не убиваемая вера в чудо, или паранойя. Внезапно нарисовавшееся наследство, даже с такими убедительными аргументами, как те, что мне выдал Дэн, заставило меня сомневаться, что все так просто.

– Торопит с подписанием.

– Почему завещание огласили так поздно?

– Родственники оспаривали его решение, – ответила я, невесело усмехнувшись при этом. – Хочу, чтобы Золотарев посмотрел документы, а заодно связался с британской стороной и проверил все.

Я понимала, что деньги, бюрократия и толковые адвокаты могли затянуть какое угодно простое дело. Вот только что-то

подсказывало мне, что в этом случае удача не должна была быть на моей стороне.

– А потом?

– Потом я успокоюсь – ответила я, отвернувшись к окну – и забуду все, как страшный сон.

Дима промолчал, чтобы не думал по этому поводу. Молчание было лучшим из его качеств ведь умные люди понимают все и так.

Им просто надо накормить демонов своей души. Мои требовали, чтобы я сделала графологическую экспертизу и удостоверилась в том, что Николас не подписал сии дарственные неделю или две тому назад.

Об этом я заявила Золотареву.

– Можно было сказать об этом по телефону – сказал Артем, глядя на меня со своего места. – Приезжать было не обязательно.

Я считала иначе.

– Гонишь меня?

– Нет, – улыбнулся юрист одними глазами. – Это просто мысли в слух.

Кажется, что он научился этому от меня. Уяснил за то время, что мы общались с ним в Лондоне, что со мной тоже можно так – говорить прямо и без обидняков.

– Звонила в МТС, но они говорят, что услуга телепортации находится в разработке – проговорила я, положив перед ним увесистый пакет с документами. – Поэтому я решила

заехать лично и отдать это тебе.

– Документы – это другое дело, – произнес адвокат, потянувшись за папкой.

Было еще кое-что, что мне нужно было узнать у него, несмотря на то что у него было время подготовиться ко всему.

– Артем Максимович, есть что-то, о чем ты не сказал мне тогда, пожалев и проникшись моим состоянием?

– Нет, – проговорил Золотарев, не сводя с меня открытого взгляда. – Я рассказал тебе все, что знал.

Настал мой черед кивать.

– Мне нужно, чтобы вы сделали графологическую экспертизу, определив, когда именно сделана подпись.

– Не веришь мне?

Я поднялась с места, но лицо отводить не стала. Мне нечего было скрывать от него.

– Верю, иначе, не пришла бы к тебе – я поправила платье, взглянув на набивший оскомину смартфон. – Я сомневаюсь в нем и в его родственниках.

Илья вновь написал мне. Он неистовствовал сегодня, как никогда прежде.

– Хорошо, Ида, я сделаю это – Артем Максимович поднялся, чтобы проводить меня до двери. – Позвоню, как все узнаю, но для определения подписи Николаса понадобится еще один образец.

– Найду его позже, когда решу заняться делами завода, –

пообещала я, в миг ужаснувшись этой перспективе.

Я не представляла, как будет выглядеть владение и управление огромной компанией, не сомневалась, что разберусь, но... Сейчас, «на другом берегу» понимала, как много работы мне предстоит и в какую сферу придется окунуться. Как будто мне не хватало забот!

– А если будет звонить Дэнис? – поинтересовалась я, решив поинтересоваться чужим мнением, прежде чем наломаю дров.

Дэн не делал этого прежде, но и в гости тоже не заглядывал. Так что вполне мог узнать и номер моего телефона.

– Отправляй ко мне, а если не хочешь делать этого, не дождавшись результатов экспертизы, то придумай причину из разряда женских хитростей и уловок.

– Ты понимаешь, как это звучит, Золотарев? – поинтересовалась я, махнув рукой на деловой тон. – Мизогинистически!

Его замечание помогло мне вернуться к своему обычному состоянию – я расслабилась.

– Нет, Ида, – рассмеялся Золотарев, взглянув на меня с улыбкой. – Я признаю, что женщины – это отдельная раса и даже не думаю подсмеиваться над этим фактом.

Мы прошли еще немного с ним до лифтов, но теперь уже просто для того, чтобы поболтать о делах семейных. Я спрашивала о том, как ему живется бобылем? Ведь Ира уехала к родственникам на лето.

– Думал, что отосплюсь, но понял, что скучаю по этому дикому квартету, – проговорил Артем, улыбнувшись. – На выходных поеду к ним.

Я знала о его семье чуть больше, чем следует. Мы подружились с Ирой, несмотря на то что она была старше и родила раньше меня, стали бывать в гостях друг у друга и даже выручать, когда требовалось сделать что-то без детей. Я учила ее английскому, а она объясняла международное право. Словом, у меня появилась не то подруга, не то старшая сестра и я безусловна была рада этому обстоятельству.

– Как Сашка?

– Мне кажется, что визжит от восторга – проговорила я, вновь взглянув на смартфон. – С родителями сейчас.

– Точно! Вы же с Ирой синхронизировались. Все делаете вместе и одновременно.

Я смежила веки в ответ на это. Как говорят сейчас «мстительна и падазрительна».

– Не мечтай, Артем, – проговорила я, повторив точь-в-точь фразу его супруги, но только переименовала его в конце. – У тебя не будет пятого ребенка.

Если бы не появление Дэна в моей жизни и никак не желающей рассеиваться тени Николаса, то все в моей жизни можно сказать, что было хорошо.

– Не говори ни о чем ба, пожалуйста, – проговорила я, нажав кнопку лифта. – Это не секрет пока мест, но я бы не хотела, чтобы она стала волноваться раньше времени.

– Договорились, Артемида.

Створки уже закрылись. Я стояла, закрыв глаза и вновь молилась. В моем арсенале было не так много молитв. Все они касались родных и близких, но одна выделялась, потому что я просила о чуде.

– Аллё, – проговорила я, наконец взяв трубку. – Слушаю тебя.

Я сделала это только тогда, когда Дима отвез меня обратно в Зеленоанск, высадил у дома и умчался прочь, мигая на прощание габаритными огнями.

– Скажи, что ничего не случилось и ты просто забыла что-то в столице, – проговорил Илья мне на ухо, но не в трубку.

Он ждал меня у дома, но отчего-то я не заметила его из автомобиля.

– Илья, все в полном порядке и нет поводов для беспокойства, – ответила я, повернулась к нему и договорила последние слова, уперевшись носом в букет красных роз.

Цветы стали неожиданностью для меня.

Скворцов предпочитал стандартным ухаживаниям иные знаки внимания. Они были не менее впечатляющими, чем этот. Он звал меня в кино. Время от времени срывался в Москву и забирал с учебы. Возил на джазовые выступления. Водил по не знакомым улочкам Москвы. А еще он никогда не забывал Сашку, дарил ему гостинцы и таскал на руках, если тот решал отправиться со мной куда-то.

Все и всегда выглядело так, как будто и не свидания вовсе.

– Хотела спросить: что за паника? – я вдохнула бархатистый аромат цветов. – Но вопрос снят с повестки дня.

Я подумала, что он переживал из-за букета. С ними должно было случиться что-то на такой жаре. Именно поэтому Илья не любил такого рода подарки, называя их жутко не практичными и самым слабым из воспоминаний.

– Чтобы ты не подумала, но ты ошибаешься, – сказал Скворцов, отняв цветы и спрятав их себе за спину. – Мне сообщили, что тебя забрал какой-то мужик.

Он привлек меня к себе другой рукой и вновь удивил. Тот факт, что он забрал цветы больше рассмешил, чем расстроил или разозлил меня.

– В самом деле? – поинтересовалась я, не переставая поражаться происходящему. – Кто же тебе сказал такое.

– Птички.

Я стрельнула глазами в сторону бабуль, что вдруг засобирались куда-то. Что было странно. Их обычно не вытравить пока они не досмотрят всю серию дворового сериала.

– Не перестаю удивляться твоим увлечениям, Скворцов, – произнесла я не без улыбки. – Спорт, музыка, орнитология...

– Это ведь плохой знак, конфета, – проговорил он, глядя мне в глаза. – Правда?

Он конечно же знал мою историю. Но слава Богу не расспрашивал ни о чем только посмеивался надо мной, называя конфетой. Как в первый день нашего знакомства на пляже.

Тогда он решил, что я одна из тех телочек, которая решила поднять свою самооценку и дать понять кто есть кто, посетив городской пляж.

Тогда он хотел не то проучить меня, не то поржать, сейчас дразнил конечно же. О том, что когда-то я была гадким утенком я уже не вспоминала, но правда не видела и ничего особенного в той внешности, которую имела сейчас. Всё, как обычных людей – две ноги, две руки, голова и прелести, как у среднестатистической женщины.

– Нет. Нормальный. Понадобилось отвезти документы в Москву.

– Что за документы?

Я покачала головой, глядя в голубые глаза Илюхи.

– Сначала ты, Скворцов, – сказала я, кивнув в сторону. – Или, припрядешь букет до следующего раза?

Он тихо выругался, кажется, чертыхнулся, вручил цветы и неожиданно жутко покраснел при этом.

– Совсем забыл про него.

Я вновь вдохнула бархатистый запах, поглядев на него сквозь бордовые бутоны.

– А теперь скажи: что за повод? – потребовала я, не желая возвращаться к вопросам наследства. – Восьмое марта прошло, а мой день рождения еще не скоро.

Не хотелось обсуждать Николаса даже в таких мелочах, как наследство и сейчас, когда меня обнимает другой мужчина.

– У тебя сын сегодня родился, Карамзина, – ответил мгновенно посуровевший, но не ставший менее красным Илья. – Чем не повод!

Он фыркнул, а потом бросил, но без злости и психов:

– Не думал, что скажу это когда-нибудь тебе, но прекращай смеяться, Карамзина!

Возвращение букета стало удачным поводом высвободиться из его рук. После мыслей о французе мне стало неловко в его объятиях.

– Я смеюсь не из-за цветов, – объяснила я, вновь спрятавшись за душистыми растениями. – Они очень даже красивые.

А еще меня как будто бы посетило чувство дежавю, которое почти мгновенно исчезло, потому что я продолжила говорить вместо того, чтобы остановиться и проанализировать ощущения.

– Просто видел бы ты себя сейчас. Видели бы тебя твои ученики! Есть что-то, что способно вогнать в краску невозмутимого и предельно серьезного историка Илью Юрьевича Скворцова!

Скворцов взял меня за руку и повел домой, не отвечая на мои подтрунивания и только в подъезде, когда мы оказались в полумраке домового освещения, повернулся ко мне и очень серьезно сказал:

– Нет никакого повода, конфета, – проговорил он, коснувшись моей щеки в невесомом прикосновении. – Ты всегда

нравилась мне, а как сильно я понял только сегодня, когда проторчал под окнами твоего дома, волнуясь и гадая, что за хмырь увез тебя с собой.

Глава 4

Глава 4

– Повезло, что Илюха вернулся в Зеленоанск, правда, Ида?

Как я говорила три года обучения в институте под бдительным контролем ба дали мне многое. Кроме изучения языков и понимания культур разных народов, умения анализировать и общаться с представителями разных конфессий, я научилась владеть эмоциями.

Это громко сказано разумеется.

Я еще постигаю эту науку под неусыпным взором ба, но кое-какие плоды видны уже сейчас – я не показала, что слова отца смутили меня.

– Правда, папа, – ответила я, улыбнувшись столь бесхитростному сватанию. – Очень удачно, что я встретила Илью и свела вас друг с другом.

Люба хохотнула, толкнула папу в плечо, дав понять, чтобы он бросил это дело. Илья же, смеясь, подавился кусочком торта, который успел отправить себе в рот.

– А сначала не понравился он тебе!

Еще бы он мне понравился, если принял меня за телочку, которая пришла на пляж, чтобы пустить пыль в глаза и показать, как ей повезло отхватить какого-то папика! Мнение его изменилось в тот момент, когда меня догнал Санька.

– За то между вами сразу пробежала искра!

Илья закашлялся и наградил меня мрачно-веселым взглядом. Но папу было не остановить.

– Ох, Идка, – вздохнул отец, совсем недолго посверлив меня тяжелым взглядом, и перевел глаза на Илью. – Ты, Илья, не затягивай, с этими колючими штучками медлить нельзя!

– Папа!

– Паш!

Я и Люба одновременно прикрикнули на него. Что он такое говорит? С чем не затягивать? С походом в «некафе» или игрой в настолки?

– Что?! – воскликнул отец, глянув на жену. – Я тебя встретил и сразу в дом!

– То-то и оно, что сразу в дом, а не в парк и не в розарий!

Любовь Николаевна пошла еще дальше – убрала со стола коньяк. Хотя, отец только пригубил его.

– Отстань ты от них! Спроси что-нибудь другое!

Слово наконец взял откашлявшийся Сковорцов. Он перестал смеяться, а потом взглянул меня так хитро.

– Спасибо за совет, дядь Паш, – проговорил он очень серьезно. – Не буду медлить ни минуты.

Понятно было что Сковорцов и отец «нашли» друг друга. У них было о чем поговорить несмотря на то, что они работали в разных сферах. Во-первых, Илья умел говорить и то было немудрено.

Преподавать историю и обществознание едва ворочая языком? Сомнительный тандем, признаем это.

Во-вторых, с папой работал отец Ильи, а в-третьих, они хаживали вместе на рыбалку.

– Воля ваша, – проговорил отец, чуть снизив голос, чтобы не разбудить Сашку. – Расскажешь, что случилось у тебя сегодня?

Я чуть было не отложила ложку, осознав, что лучше бы он и дальше нахваливал теперь уже невозмутимого Скворцова.

– Что произошло на этот раз у господ Спасских?

Мне не хотелось рассказывать ни о чем Илье, но все же пришлось поведать историю о свалившемся на меня наследстве в его присутствии. Я не нашла достойной причины, как бы избежать этого рассказа. Начни я мямлить и просить поговорить позже, то это означало дистанцироваться от него и дать понять, что его прошлые признание ничто для меня.

Я все еще считала его своим другом, невзирая на объяснения и неловкие признания. Я не решила хочу ли большего от нашего общения, еще размышляя и прислушиваясь к своим ощущениям и таки да, над советом, который дал мне папа.

Не хватало мнения ба, но я вряд ли стану спрашивать у нее что-то.

Я едва поделилась новостями, но даже не успела выразить сомнений и страхов на этот счет, удивившись реакции Илюхи.

– Спасибо за ужин, вкусный торт и веселую компанию, –

сказал он, поднявшись из-за стола. — Но мне пора.

Никто не понял, что произошло. Все были под впечатлением от свалившихся новостей, а Скворцов уже вышел из комнаты и зашумел обувью в коридоре.

— Илья!

Я окликнула его, но его имя ударилось в почти закрывшуюся дверь. Щелчок и я осталась одна в коридоре.

— Ид? — позвала Люба, появившись в дверях кухни. — Он чего?

Пожав плечами, я сунула ноги во вьетнамки и сбежала по лестнице. Признаю, что не торопилась при этом. Не то, чтобы мне не был дорог Илья. Не потому, что я считала его поступок выходкой.

Просто...

Всегда и во всем должно было быть достоинство. Иначе, если что-то пойдет не так, потом не перестанешь ненавидеть всех и главным образом себя.

— Скворцов!

— Что, Карамзина?

Я думала, что он ушел, растворившись в душной ночи июня, а он остался, топча траву между деревьями у дома.

Не знала, что он курит. Никогда не чувствовала от него запаха никотина, как и не видела пачки в руках.

Но он держал сигарету, подносил ее к лицу и разбавлял краски вечера сизым дымом.

— Что случилось? — спросила я, присоединившись к тво-

рящемся вандализму. – Я обидела тебя чем-то?

Он задержал взгляд на мне, выдохнул в сторону и бросил короткое:

– Нет.

У меня как камень с души свалился.

– Ты забыл сказать, что у тебя булимия? – поинтересовалась я, остановившись на расстоянии вытянутой руки. – Сначала ешь торты, а потом выплевываешь их?

Илья не улыбнулся моей шутке, как бывало обычно. Но и не ответил ничего. Молчание затягивалось и подходил момент, когда нужно было разворачиваться и уходить. Я стояла и ждала, чувствуя себя все более глупо при этом.

– Я сказал тебе, что ты мне нравишься, конфета.

– Сказал.

– Два года я смотрю на тебя и не подхожу ближе, – Илья бросил сигарету под ноги, перед этим скривившись, и затоптал ее. – Кто ты, Карамзина, и кто я?

Я приподняла брови, ошалев от сказанного.

Илья, которого я знала, не был таким надменным, как смысл фразы, которую он только что выдал. Он был насмешливым, знал себе цену и был парнем, на которого заглядывались женщины от мало до велика.

Но это было не все, слава Богу!

– Ты Артемида Карамзина – внучка знаменитой Спасской, племянница консула и блестящий дипломат в не таком уж и далеком будущем, а кто я?

Вот значит, как он видел меня! Как внучку-жучку? Интересно, он один так думает или есть еще кто-то?

– Сам Илья Юрьевич Скворцов, – выдал я глухо, все еще не отойдя от начала этой речи. – Ты, наверное, забыл, что у нас родители вместе работают и не так уж далеко мы ушли друг от друга.

До него не дошло, а мне на минуточку стало плохо.

– Ты себя видела, Артемида? – спросил он, но не дал ответить мне. – Ты словно сошла с обложки журнала о светской жизни!

– Это ты так говоришь, что я красивая или имеешь в виду какое-то другое издание?

Я потянулась к свисающей ветке, сорвала лист березы и тут же смяла его, отбросив в сторону.

– Объясни нормально, Скворцов!

Он подошел ко мне близко-близко и посмотрел так как будто заглянул в душу.

– Ты красивая, – выдохнул он, взяв меня за руку. – Очень красивая.

Я хмыкнула.

– Как многие.

– Нет. Ты не понимаешь.

Я действительно так считаю без ложной скромности и стеснения, потому что не соответствую и не спешу следовать мировым эталонам красоты. Я не накачала губы, исправив их контур и сделав их больше. Не наращиваю волосы, ресни-

цы и ногти, чтобы они стали гуще, длиннее и правильнее. Не корректирую брови. Я пью витамины и каждый день нахожу минутку чтобы поухаживать за собой. Впрочем, не клянусь никому что в будущем не стану поступать иначе. Пока все хорошо и так. На то, чтобы развивать в себе комплекс неполноценности у меня просто нет времени.

– Город и тот меняется, когда приезжаешь домой. Становится лучше, чем обычно.

Это он загнул. Это называется «влюбился»! Как я раньше не замечала этого за ним?

Я задумалась над одним вопросом и тут же озадачилась другим. А чтобы я сделала тогда? Держала бы на расстоянии!

– Спасибо за комплимент, – ответила я резко, сердясь на него за тот хаос, который он устроил в моей душе. – Ты тоже красивый и добрый, а еще веселый и талантливый.

– Правда?! – спросил он так насмешливо, что я подумала психануть и оставить его одного.

Что-то случилось у самого популярного педагога моей бывшей школы. У него вдруг «отвалилась» способность объяснять вещи в доступной форме. Но не сломался тумблер подтрунивания! Показалось дальше, что он ломает комедию, как это бывало обычно, а я ведусь. Тоже как обычно. Только тема в этот раз была серьезной.

– Не злись и выслушай меня, не перебивая.

– Я так и хотела с самого начала.

Он поцеловал меня сразу, как я произнесла это, заключил

мое лицо в свои ладони и притянул к себе, прижавшись к моим губам. А я потерялась, потому что привычный мир вдруг стал еще сложнее и красочнее одновременно. Как букет, что я получила и, как мягкое прикосновение губ.

– Наконец-то я сделал это, конфета, – проговорил он мне в губы и прикоснулся к ним еще раз.

Я не двигалась. Никак не отреагировала на этот поцелуй, наученная прошлым опытом. Поддаться чувством означало стать слепой и уязвимой, а еще не заметить, как тебя водят за нос.

– Помнишь мы ходили с тобой в кино на «Убийство в Восточном экспрессе»? – спросил Илья, отстранившись и оборвав поцелуй также резко, как и начал его. – Ты тогда сказала, что мечтала прокатиться на таком.

Я мотнула подбородком, тем самым говоря «да». Я отлично помнила тот день и непередаваемую атмосферу фильма.

– Я решил подарить тебе билеты, два года копил на них и на то, чтобы не отказывать тебе ни в чем. Хотел преподнести их тебе на день рождения. Запланировал отпуск на зиму.

Это было мило и ужасно трогательно. Этот парень действительно слушал, а не только плотоядно смотрел на меня, как делали многие другие.

– А теперь я узнаю, что ты без пяти минут миллионерша.

Скворцов поправил закатанные рукава безумно идущей ему джинсовой рубашки, дернул и тут же вернул их на место.

– Сначала я соперничал с твоим мужем, потом с твоими

родственниками, а теперь это.

– Ты, наверное, хуже, чем я думала, раз тебе пришлось соперничать и бороться – сказала я, когда вдруг более-менее поняла, что он пытается сказать мне. – Я не отменяю своего дня рождения, Илья, и как ты мог заметить и не прошла мимо этим вечером.

Я развернулась и пошла домой. Однако, разнервничавшийся Илья остановил меня, догнав и повернув к себе.

– Я психую не из-за тебя, а из-за себя, – сказала он, сжав до боли мои плечи. – Знаешь, это чувство, когда понимаешь, что перетянул и надо было действовать раньше?

Не знала. У меня была другая проблема – она была противоположностью той, что озвучил Илья. Я торопилась, сама не желая этого.

– Скворцов, ты решил, что я стану думать, что ты подкатываешь ко мне из-за денег? Это тебя беспокоит?

Он не ответил на мой вопрос, а молчание во все времена трактовали, как знак согласия.

– Спасибо, что побыл сегодня со мной и моей семьей, – сказала я наконец, потянувшись и прикоснувшись к его щеке губами. – Увидимся как-нибудь.

– Как-нибудь?

Он ждал чего-то другого? Очень интересно.

– Или позвони, – откликнулась я, направляясь к подъезду. – Только обязательно дождись, когда я поглупею или пообедаю, чтобы тебе было достаточно комфортно со мной.

Он вновь подтащил меня к себе, взявшись за петельку на джинсах. Я попятилась назад, пробежав по асфальту голыми пятками.

– Ты серьезно, Карамзина? – рявкнул он, крутанув меня к себе. – У тебя, что вата в ушах?

Намекает на то, что я не слушала его и думала о своем. Как бы не так! Все я прекрасно поняла.

– А что не так, Скворцов? – осведомилась я, скрестив руки на груди. – Ты ведь не позвонишь мне, если я завтра возглавлю список Форбс?

Он вновь не ответил мне, а я все-таки ушла домой, не став говорить ему, что дело все-таки в состоянии счета. Илья был достаточно умен, чтобы сделать самостоятельные выводы и решить, как действовать в дальнейшем.

Глава 5

Глава 5

– А где этот твой мальчик? – осведомилась ба, когда я усадила ее на скамейку. – Давно не видно его.

Я улыбнулась, не ожидав ничего подобного, задрала голову и посмотрела в ясное небо с плывущими по нему огромными облаками.

– Ба, ты точно служила в разведке! – проговорила я, медленно опустив лицо к ней. – От тебя ничего не укроешь!

Как она догадалась? То, что Илья не приезжал ко мне было вполне объяснимо моей постоянной занятостью и тем, что я часто ездила в Зеленоанск. Но...

– Что тут следить, Ида? – вмешалась подслушавшая разговор Люсьен. – Он раньше подвозил тебя.

Кухарка дома Спасских выплыла на веранду, остановилась и, уперев руки в боки, посмотрела в сторону, где веселились гости. Вид она имела довольный. Ей сегодня не пришлось упакиваться на кухне. Я заказала еду в проверенном ресторане, а ее попросила испечь торт и приготовить что-нибудь для Саньки и других маленьких гостей моего праздника.

– Гулял и в кино водил, – добавила ба, даже не разозлившись на то, что ее перебили. – Отпрашивал на концерты.

– А теперь тебя возит один только Димка.

Она похлопала рядом с собой.

– Садись-ка детка и расскажи, что стряслось! Подождут твои гости!

Попросить ба не начинать означало признаться в том, что Илья имел какое-то значение для меня. Но надо было попытаться отвлечь ее и убедить, что все хорошо. Исчез Скворцов. Ну чтож!

– Ба, давай не будем, а?

– Значит все серьезно.

Она и Люся обменялись понимающими взглядами.

– Нечего рассказывать, – откликнулась я, оперевшись на перила. – Он решил, что я слишком богата для него.

– Вот даже как! – протянула ба, приподняв брови.

Она неодобрительно качала головой в отличие от Люсьен, которой очень даже понравилось мое объяснение.

– Значит порядочный! – сказала она, а взглянув на бабулю, спросила. – Что не так, Аделаида Георгиевна?

Я присела почти тут же, подхватив на руки подбежавшую ко мне ракету. От взъерошенного сына веяло теплом и жаром одновременно. Мой жаркий мальчик только что вынырнул из бассейна, приведя с собой остальную ватагу ребятешек от мала до велика.

– Я считаю, что если мужчине не нужны мульоны женщины и он прямо говорит об этом, то это даже очень хорошо.

– Он сказал не так. Верно я понимаю, Ида?

Я порадовалась появлению детей. Мнение ба было важно

и скорее всего мудро, но... Мы вернемся к этому разговору в другой раз. А еще мне нужно самой разбираться что к чему и вроде у меня неплохо получается это.

– Дём! Мама, Дем!

– Тетя Ида, – позвала меня Аришка. – Я приглядывала за малышами, но не углядела.

Девочка скрестила руки на груди очень неодобрительно покачала подбородком из стороны в сторону. Не улыбнуться этому манерному поведению старалась не только я, но и остальные присутствующие. Кроме сына естественно. Он обнимал меня.

– Мы разбили какую-то уродливую вазу, – добавил появившийся на веранде Алексей. – Восстановить ее уже нельзя!

Люся всплеснула, ахнула и умчалась обратно в дом. Вероятно, чтобы собрать осколки. Что до ба, то она не расстроилась этому обстоятельству.

– Вещи должны служить нам, а не мы вещам, мальчик.

– Отлично, – по-деловому откликнулся ужасно похожий на Артема пацан. – Но вы все равно извините нас.

– Ничего, сделаем из нее изразцы для печи.

Леша абсолютно точно повторил эмоцию отца, спросил, что такое изразцы, а выслушав объяснение, бросил «понятно!» Потом он взял сестру за руку и посмотрел на меня, а точнее на сидящего на моих руках Сашку.

– Ты идешь?

Меня немного позабавило это равное отношение. Лешка был старше Алекса, но не стеснялся водиться с мелкотней. Пришлось отпустить завошкавшегося на руках сына. Тот передумал ехать на мне, но не раздумал увести с собой, взяв перед этим за руку приятеля постарше.

– Идём! – потребовал он четко. – Мама!

– Ба, я пойду, – проговорила я, подарив ей извиняющуюся улыбку. – Важные дела, как видишь!

Последнее время мне как никогда прежде нравилась жизнь в загородном доме. Часы, проведенные с Алексом, были самой настоящей отдушиной от того, что происходило за воротами особняка.

Игры и чтение совершенно не утомляли меня, как проклятое наследство.

Я признавала, что совсем ничего-ничего-ничего не понимаю в этом. Чтобы постичь дела огромной компании нужно было начать изучать искусство управления с азов, а еще проникнуться заботами работников и тем, что делало предприятие... А я уставала и признавала, что совсем-совсем не хочу этого. Но тянула и не обращалась за помощью к ба, ожидая, когда же мне отчитается Золотарев.

– Конечно, детка, – согласилась бабуля, улыбаясь окружающим меня детям. – Это твой праздник!

Ей, как и мне нравилась кипевшая в доме жизнь и, вопреки ожиданиям, не утомляло присутствие детей. Не знаю, как, но ей удавалось говорить с ними так, что они прислушива-

лись к ней.

– Идем! – продолжал тянуть сын. – В бассеЙн!

Я шла, слушая болтовню и повизгивания детей, но чувствовала, как бабуля все еще смотрит на меня.

– Что ты хочешь мне показать? – осведомилась я у сына, который тянул меня в сторону бассейна. – Как ты плаваешь? Ныряешь?

– Мы научили его прыгать бомбочкой!

Это было великое достижение. Я бы и сама не отказалась от подобного, если бы только была открыта взрослая часть искусственного водоема. Но ее закрыли, потому что двое мальчишек Мирослав и Санька были слишком маленькими для этого.

– Ида! – окликнула меня Ира. – Осторожно!

Было поздно! Меня обдало веером брызг с раздавшимся за ним детским хохотом. Мой мокрый и отекающий вид ужасно развеселил их.

– Бандиты! – проговорила я, спустившись к ним и их игрушкам. – Сейчас переловлю всех и отправлю спать, но сначала заставлю съесть манку и выпить молока с пенкой!

Конечно же, мне не поверил никто, продолжая брызгаться, потому что теперь, когда ба ушла было можно заниматься этим вволю. Догонялки не дали мне заметить новоприбывших гостей.

– А у вас тут весело!

Андрей, Марина и Золотарев появились на территории

бассейна и обрадовали своим появлением всех. К ним бросился Сашка, а еще Мир, Арина и Лешка. Ирина и я скромно ждали своей очереди неподалеку.

– Блин, я даже завидую, что у меня нет ребенка, – проговорила университетская подружка Лара, разместившись в плетеном шезлонге. – Мне тоже нужно, чтобы меня хватало, встречали и целовали.

– Все будет!

Мы с Ирой сказали это одновременно, переглянулись, а потом Ира ушла к Артему, а я осталась наблюдать за родственниками, которые целовали, обнимали и подбрасывали в воздух Саньку. Последнее происходило не без екавшего сердца, невзирая на то, что дядька еще ни разу не уронил его.

– Когда? – откликнулась Лара, взмахнув темной копной. – Мне нужно сейчас, чтобы не чувствовать себя неполноценной.

Подруга по институтской скамье хотела семью не только в этот день, но и вовсе прочие. Удивительно, но карьера и семья интересовали ее в равной степени, а я все же гадала, что будет первым и позвала на свою днюху, не думая, что мероприятие покажется ей скучным.

– Все будет, – ответила я, вновь вспомнив о Филе. – Познакомлю тебя с одним персонажем, если он не обманул и придет именно сегодня.

Я вообще ни на что не надеялась, говоря это. Фил был очень ненадежен в этом плане. Но мне очень хотелось уви-

деть его, а еще, чтобы подруга не скучала сегодня и чем черт ни шутит пристроить его в надежные руки красавицы брюнетки.

– С днем рождения, Артемида! – проговорила тетка, наконец обратив внимание на меня. – Дай я тебя поцелую!

Я обнималась и целовалась с Мариной, принимала цветы и подарки от дяди и от Артема Золотарева. Вот кому точно можно и нужно было завидовать – ему и его Ире. У них было все, что можно пожелать – они сами, а еще их очень забавные и очень взрослые дети, место в жизни и конечно же благополучие в семье.

– Артем!..

Я выловила адвоката поздним вечером, поймала его на улице, когда он решил раскурить сигарету и не смог убежать никуда.

– Почему так долго?

Я имела в виду экспертизу, и он конечно же понял это.

– Нужно тебе думать об этом в такой день? – спросил он недовольно, пыхнув сизым дымом. – Веселись!

Мне не понравился его ответ, отбросив тень на сердце.

– Подари мне надежду или покой и тогда я отстану от тебя, – проговорила я, закрыв дверь для его возможного отхода. – Что говорят эксперты?

– Это его подпись и сделана она не в этом году.

Мне не нравилось, что Артем тянет. Мне абсолютно не нравилось то, что он не спешит рассказывать что-то сам.

Обычно предельно четкие, а сейчас какие-то размытые ответы мне тоже не нравились.

– В прошлом?

– Нет, два с половиной или три года назад.

Во мне вспыхнул крошечный огонек надежды.

– Он может быть жив, – прошептала я одними губами.

Но Артем был прав – радости это мне не принесло, как и облегчения.

– Перестань искать его.

Ненавижу, когда мне указывают что делать! Даже очень хорошие люди, как он!

– Объясни мне тогда почему ты юлишь и тянешь? – потребовала я, предъявив самую вескую из своих причин для подозрений.

Их было немного, но все-таки это не давало мне покоя.

– Я просил экспертов отнестись к заданию с предельной серьезностью. Это потребовало время. Это раз. Вдобавок ко всему я нанял детектива из бывших полицейских, чтобы тот нашел образцы его старых подписей. А три, он ищет хоть какой-нибудь его след в Европе.

Еще один танцор! Я никак не пойму – неужели у всех настоящих мужчин в обязательном воспитании непременно стоят танцы?

– Ты бы искал ее, если бы был хоть малейший процент надежды? – спросила я, в один момент почувствовав себя обессиленной.

Я мотнула в сторону шумной гостиной, имея в виду находящуюся в ней Ирину.

– Да.

– Вот и я...

Артем вздохнул, взяв меня за плечи.

– Ид, что будет если ты узнаешь, что он жив?

Хороший вопрос он задал. Признаться я задумывалась о нем, но совсем на короткие мгновения. Гнала эти мысли прочь. А теперь... Что я почувствовала теперь? Тоже, что и всегда – веру.

– Перестань мучать себя – произнес Артем, улыбнувшись мне слабой, но все же теплой улыбкой. – Надо жить дальше и вот тогда все будет хорошо.

Я кивнула, не забыв добавить.

– Дай мне знать, что скажет детектив, – попросила я в конец обессиленная этим коротким разговором.

– Хорошо.

Несмотря на положительный ответ Артема, мне подумалось, что он не скажет мне ничего, даже если детектив возьмет и за руку поздоровается с Николасом в его замке.

Но он был не прав.

Я не перестану мучать, получая раз за разом отрицательный ответ. Вот если бы он был положительным, тогда бы я отравилась им и забыла бы о нем навсегда. Так бы требовала гордость, самолюбие и чувство самосохранения, как говорил психолог.

– Пожалуйста, Господи, – начала я, отказавшись возвращаться в дом на первых парах. – Я прошу тебя сделай это не для меня, а для моего сына...

Я смолкла. Горло сковало слезами, а голубая рябь бассейна превратилась в мутное пятно. Я делала глубокие вдохи, стараясь справиться с рыданиями, и пыталась продолжить свою нехитрую беседу с Богом, но у меня не получалось сделать это.

– Так хватит, – проговорила я себе, встав на колени и потянувшись к воде. – Сделай это для моего сына.

Я набрала в пригоршни воду.

– Верни мне этого человека или дай забыть и жить дальше, пожалуйста.

Прохладная вода помогла. Я еще постояла над ней, а потом вздрогнула от прикосновения горячих рук, что обвили меня за талию.

– Что это ты делаешь тут одна?

Вселенная смеялась надо мной, вернув мне совершенно другого француза.

читать роман "Не тот муж" <https://litnet.com/shrt/lqeW>

Глава 6

Глава 6

Я прикрыла глаза на мгновение, а потом повернулась к тому, кого уже и не надеялась увидеть сегодня.

– Привет! – улыбнулась я, постаравшись забыть обо всем, что заставило меня плакать. – Я думала, что ты уже не приедешь.

– Как я мог? – спросил лохматый парень, а потом вздернул кончик моего носа. – Подвести тебя в твой день рождения?!

Вместо ответа, я наградила его укоряющим взглядом. Он не первый раз отменял поездку ко мне, прикрывшись образовавшимися возможностями. Правда, я тоже была хороша.

– Ты не мог – это верно, – произнесла я, обняв его. – Иначе, мне бы пришлось перестать рассказывать всем, что французские мужчины самые невероятные из всех на свете.

Фил хмыкнул, сжав меня в невероятно крепких объятиях.

– Честь французов – это конечно очень важно! – рассмеялся тот, приподняв меня над землей. – С днем рождения, Арти!

– Спасибо!

Фил изменился за эти годы. Но не постарел, а стал еще интереснее. Совсем, как Ричард Гир, который в молодости был ни о чем, а вот в зрелом возрасте очень даже как хорош.

– У меня есть подарок – продолжил говорить француз,

словно не заметив на моем лице ничего. – Но только он ждет тебя у входа в дом.

Он конечно же заметил мои красные глаза и понял все, но не стал расспрашивать ни о чем. Филлип был в курсе причин моих слез. Он, слава Богу, не лез мне в душу с душещипательными беседами и нравоучениями, как нужно жить и как чувствовать себя.

– Именно поэтому я опоздал сегодня, – добавил он, взяв меня за руку. – Ходить с моим подарком возможно только на короткие расстояния.

Я приподняла брови. Он заинтриговал меня. Что могло помешать ему добраться до меня?

– Кстати, в этом нужно винить тебя, милая, – продолжал он весело, перечеркивая своим веселым и легкомысленным тоном всю серьезность обвинения. – Ты живешь в такой глуши!

– Эй!

– Ни хэй, а мое такси заглохло и ни я, ни водитель не смогли дозвониться до кого бы то ни было, чтобы попросить о помощи.

Я знала в чем причина. На небольшом участке дороги находилась супермагнитная аномалия из-за близкого расположенного к верхним пластам земли залежей железной руды. Она сбила электронику и по какой-то непонятной для меня причине глушила связь с нескольких вышек.

– Сначала я подумал, что оказался в сумеречной зоне и

решил, что не вылезу из машины и, чтобы не случилось дождусь подмоги.

Месторождение было слишком мало для какой-то более-менее серьезной разработки. Но все, кто знал об этой «сумеречной зоне», терпеливо ждали, когда проедут проблемный участок дороги, а если ломались (чего на моей памяти не бывало), то толкали участок до отмеченных краской столбиков.

– Через полчаса, видя, что не происходит ничего, я забрал сумку и твой подарок, прикинув, что смогу добраться до тебя самостоятельно.

Но, прежде чем объяснять или не объяснять Филлипу нужно было дать ему договорить. Это было вежливо, а еще невероятно весело видеть, как относятся к привычному иностранцы. Но в конце концов я передумала, решив, что не стану рассеивать его мистические подозрения и тем самым полностью копилку легенд о нашей сказочной стране.

– На полпути меня подобрали и помогли добраться до твоего терема, – Фил улыбнулся, даже не подумав о том, чтобы выглядеть утомленным. – Удача, что нам с тем парнем нужно было в одну сторону.

– Как же ты объяснился с ним? – полюбопытствовала я, не оставляя попыток заглянуть ему за плечо.

Фил загораживал собой что-то, а на мой вопрос бросил одно единственное слово:

– Гугл.

– Ох! Мне надо было догадаться, – проворчала я, скопировав тон бабули. – Когда ты начнешь учить русский без этих приблуд?

Это был несерьезный интерес. Филлип Уэльель прекрасно обходился без него, общаясь с людьми на французском, английском и испанском.

– Я учу, – невозмутимо откликнулся он, посмеиваясь моему нетерпению. – Очень даже сносно говорю матом.

Мне надо было покраснеть из-за этого заявления. Это ведь я научила его обценной лексике. Вынуждена была сделать это, после того, как он напомнил мне о нашем соглашении.

– Это что? – спросила я, когда он отступил в сторону. – Доска для серфинга?

Подарок можно было назвать ожидаемым. Вот только я не понимала, как он довез ее до моего терема.

– Ага, – откликнулся он, пропуская к своему подарку. – Будет повод приехать ко мне в Австралию.

Средство для передвижения по волнам было совсем не таким каким виделось в фильмах или в рекламных проспектах. Оно было большим и даже громоздким, но невероятно легким и красивым, напоминая собой оторванный лепесток цветка ванили, но только с коричневой полоской у самого края.

– У меня и для Алекса есть подарок, – произнес Фил, покрутив мою доску на месте.

– Тоже доска?

Я догадалась, хотя с виду она больше напоминала матрас для плавания.

– Да, но только для сап[1], – объясняет Фил, отодвигая «матрасик» в сторону. – Приедешь с сыном и забудешь о своей тоске.

Я обнимаю его крепко-крепко и в очередной раз задумываюсь над его заманчивым предложением. Очень хочется уехать куда-нибудь далеко-далеко, где не так как дома. Но не могу – образовалось очень много и много «но».

– Спасибо тебе, – говорю я, целуя его в щеку. – Приедем обязательно, но только зимой.

Там как раз будут большие каникулы, а на другом конце мира будет самое настоящее лето. Я разберусь с заводом, закончу переводы, закрою сессию и отпраздную новый год, а потом возьму Саньку и двину к нему.

– Ты и в прошлом году так говорила.

– По телефону, – ответила я, даже не подумав смутиться обнаружившейся лжи. – Ты обещал приехать ко мне, а я к тебе.

Кроме шуток. Мы заболели этой зимой, и он знал об этом.

– Ты злая девчонка! – воскликнул он, но ни разу не всерьез. – А сейчас, давай води меня к гостям и накорми чем-нибудь!

Я так и сделала. Ухаживание за дорогим заморским гостем окончательно отвлекло меня от грустных мыслей. Тан-

цы под приятную музыку, хорошая еда, песни под гитару и теплый вечер завладели мной, а потом приехал Илья.

– Ид?! Тут еще гости! Просят выйти! В дом не идут!

Я чуть хмурилась, когда шла к воротам. Догадывалась о том, кто может быть там, но все же сомневалась в этом. Илья, как выяснилось был очень гордым. Таким гордым, что даже странно, как он всё это время терпел меня с моим благосостоянием. А еще страшно. Я пришла к выводу, что такие люди пугают меня чертями, которых держат в омуте своей души.

– А ты что здесь делаешь, Скворцов? – спросила я, приблизившись к нему.

Вопреки тону вопроса, я все же обняла его. Настроение было хорошим. Точнее я старалась чтобы оно было таким, не позволяя плохим мыслям задерживаться в моей голове.

– А ты меня пригласила, – отвечает Илюха, потеревшись о мою щеку своей. – Забыла?

Он обнимал меня, как в последнюю нашу встречу – крепко и совсем не так как Фил. Мне даже показалось, что он прощается со мной.

– Очень рада видеть тебя, – произнесла я, прикоснувшись к его колючести в легком поцелуе. – Но спрашивала тебя о другом.

Я отклонилась, а потом и вовсе отступила.

– Я спрашиваю: что ты делаешь у ворот и почему не идешь, как все остальные на звуки моего праздника?

Если честно я боялась того, что он отдаст подарок и отправится восвояси. Оказалось, что я до невозможного, как сильно боюсь терять людей.

– Потому что хотел извиниться наедине.

Моя бровь немедленно взлетела вверх, требуя пояснений.

– Прости за то, что наговорил тебе тем вечером, – сказал Илья, потянувшись к моей руке. – Не стоило тебе знать о моих сомнениях.

– А может и стоило, – проговорила я, закусив губу. – Теперь я знаю, что ты не такой уж и идеальный.

Илья не просветлел после моих слов, наоборот сделался еще темнее. Но объяснять ничего не стал, а повел меня к своей оранжевой «шкодине».

– Тебе надо открыть ее, – подсказал Скворцов, когда я недоуменно посмотрела на него. – Подарок внутри.

– Там ведь не деньги? – пошутила я, приблизившись к нагретому корпусу автомобиля.

– Открытка! – отозвался Илья не без досады. – Издеваешься надо мной, Карамзина?

– Тебе нельзя было целовать меня тогда – откликнулась я, вздохнув на его последнее восклицание, – это испортило твое чувство юмора.

Скворцов ничего не ответил мне, просто смотрел, как я вожусь с ручкой, а потом «ахаю» от начавших вылетать из салона шариков белого цвета. Я не пыталась поймать их, только продолжала вытаскивать и выпускать, мечтая как мож-

но быстрее добраться до самого главного подарка. Отчего-то наполнение разозлило меня и заставило избавляться от него с удвоенной силой.

– Это плед, подушка, новое кресло? – спросила я, напоровшись на огромного плюшевого монстра. – Нет, подожди, теперь я вижу, что медвежонок.

В реальности «медвежонок» едва ли уместился в моих руках. Он был больше меня! А еще держал пришитую к одной из лап открытку.

– Какой он огромный! – проговорила я, обойдя машинку и вытащив его с другой стороны. – Илья, мне придется выделить ему отдельную комнату.

Я радовалась не для «галочки», чтобы успокоить Илюху. Мне действительно понравился подарок. Я решила, что под слоем шариков найду открытку, конверт или еще что в этом духе. Реальность же удивила меня и заставила себя почувствовать себя маленькой, восторженной и как говорилось счастливой.

– Тебе и правда нравится?

Кивнув, я оторвала взгляд от туповатой морды медведя и посмотрела на Скворцова. Что не так с его самооценкой последнее время?

– Когда-то я мечтала о таком.

А еще, чтобы к нему шел огромный букет цветов...

Но что случилось потом?

Я стала взрослой, как и хотела все это время. Игрушки

стали покушаться не мне, а моему сыну.

– Илья, ты можешь сказать, что с тобой? Что случилось с тем хамоватым парнем, с которым я познакомилась на пляже? Он твой брат? Ты держишь его в подвале?

В том Илье нельзя было заподозрить историка. Если только, как персонажа фильма для взрослых. О, да! Я видала такие! Я же современная девушка и не должна пасовать какую бы тему ни выбрал мой собеседник.

– Он думал, что никогда не влюбится, – сообщил он, рассмеявшись и приблизившись на неприлично близкое расстояние. – Ведь у него был оберег.

– Куда он делся?

– Сгорел через несколько дней после нашего знакомства – не выдержал испытания настоящей магии.

Я смотрела на него и чувствовала, что губы медленно, но верно растягиваются, превращаясь в улыбку. Так меня еще не называли. Было всякое. Обидное и не очень. Но вот чтобы ведьмой... Никогда!

– Делали дилетанты!

– Ага, любители, – откликнулся Илья, прикоснувшись к моему лицу. – Ид, я не хочу больше дружить с тобой.

– Не хочешь? – спросила я, немного обалдев от сказанного.

Совсем чуть-чуть просто потому, что не ожидала чего-то подобного. Уж больно оно не вязалось с его визитом и со всеми остальными действиями. В конце концов, у меня же

получилось заставить его рассмеяться!

– Хочу большего без ожидания подходящего момента.

Он потянулся ко мне и, помедлив, прикоснулся к губам. Я, кстати, тоже сделала это. Всё и в такой же очередности – сначала помедлила с поцелуем, перебрав кучу мыслей в одну секунду, а потом ответила ему, смяв его губы в ответ.

– Посмотрим, как ты будешь вести себя, Скворцов, – проговорила я, прогнав вздохом тут же посетившее меня знакомое и такое неуютное чувство. – Я ведь никогда не просила тебя подождать или даже вылечить меня.

Не просила, но мне нужно было это. Вот только Илья не смог помочь мне в этом до конца.

– Будем считать, что это ответ «да» в духе вредины-Иды, – произнес Скворцов и расслабился немного. – Ты должна мне танец.

– Очень смешно, Илья, – проговорила я, решив кое-что для себя. – Это ты мне должен танец, песню, тост за мое здоровье, а еще съесть тарелку шашлыков и такую же огромное блюдо овощей...

– Тазик?

Я подумала, что может быть Илья, его слова и поступки – это и есть знак? Что если Золотарев прав? Как и психолог? И все остальные кто пытался научить меня жизни, приведя в пример свои способы?

– Как ты любишь, естественно, – подтвердила я, потянув его в сторону «гудящего домика». – Просила сервировать

стол с учетом твоих предпочтений.

– То есть думала обо мне?

Илья забрала у меня медведя, взгромоздив его на плечо.

– Конечно, – подтвердила я, пробежав вперед, оглянувшись и хохотнув его виду. – Думала, как жаль, что ты не видишь и не участвуешь во всем этом!

[1] Разновидность серфинга. Скольжение по волнам при помощи доски и весла

Глава 7

Глава 7

Прошел день рождения. Смолкла игра гитары. Перестали звенеть бокалы. Пропало ощущение одного праздника и пришло лето. Почему-то я чувствовала его как никогда сильно после своего дня рождения. Особенно сильно в этом году, я почувствовала, как наступил мой личный новый год. Солнце начинало палить. Не хватало только низколетящих драконов из книжки одного автора фэнтези.

– Может все-таки развернешь его? – предложила Ира, глядя на то, как я кручу конверт в пальцах. – Неужели неинтересно что там?

Было любопытно узнать, как они выглядят и... Может я все-таки ошиблась, а Илья передумал? Но эта шкатулка Пандоры не стоила того. Изображения я могла погуглить в «интернетах», как это нынче модно говорить сейчас.

– Там билеты на поезд Восточный экспресс, – проговорила я, еще раз стукнув конвертиком, – с открытой датой.

Я уверена в том, что говорю на все сто процентов. Илья не мог подарить удобный ему подарок. Он, конечно, был тем еще эгоистом, но не до такой степени. Он знал, что я хочу прокатиться на этом поезде зимой.

– Тот самый? Как в фильме? С этим парнем из «Гарри Поттера»?

– С профессором Локонсом, – подсказала я и сама не в силах вспомнить фамилию актера.

Ирка потянулась к моей руке, вытащив конверт из пальцев. Я не препятствовала этому, зная, что она на редкость воспитанный и деликатный человек.

– Да.

Я смотрела как Ирина крутит конверт на солнце, а потом смотрит на меня вопросительным взглядом.

– Ты хотела что-то другое? Почему не открываешь? Или, решила вернуть его, потому что это очень дорого?

Я не могла объяснить ей этого. Да что там?! Я не с собой разобраться и понять почему мне становилось так беспокойно стоит взяться за нож для бумаг и поднести его к простенькому конверту.

– Дело не в деньгах – сказала я, посмотрев на горку посуды из-под знаменитой Люсиной манки. – Хотя, если бы они стоили миллион, то я бы конечно же их вернула.

Дети играли в песочнице и ждали, когда нагреется вода в бассейне. Люся привычно готовила что-то, гремя ножом по разделочной доске. Голуби затаили свой «ур» к приближающемуся полуденному зною, а мы с Назаровой все пили кофе на увитой диким виноградом веранде. Пока наши мужчины пропадали в каменных джунглях, охотясь за благами цивилизации. Нам же было так хорошо, что и делать не хотелось ничего.

– Так было бы проще на самом деле, – проговорила я,

выдохнув.

Простое действие – глубокий вдох, наполнивший легкие кислородом тоже, не помог мне. Тяжелое чувство не прошло.

– Объясни мне, Ид! – потребовала подруга. – Что не так с этой поездкой?

Я укорила себя за прежнее малодушие. Что мне стоило тогда принять медведя, но не отвечать на его поцелуй? Или просто отдать игрушку и сказать: «я не готова ни к чему такому, Илья!» А я решила попробовать размять поврежденную аварией мышцу под названием «отношения» и все вроде бы получалось, но наличие билетов тревожило меня. С каждым днем все больше.

– Илья взял отпуск на зиму, – проговорила я, вроде бы разобравшись со своим беспокойством. – В декабре-январе нашим отношениям будет полгода.

Я посмотрела Ире в глаза на девяносто процентов уверенная в том, что она поймет меня. Мы синхронизировались, а может быть были родными душами или просто понимали друг друга.

– Думаешь, что он сделает тебе предложение?

– Да, – ответила я, выдохнув. – Он сейчас только и делает, что работает, а еще он столько ждал и...

Я отвернулась, чтобы не покраснеть, произнося это.

– И продолжает ждать в том, что касается совсем уж личной стороны наших отношений, – я не смогла выговорить

это, хотя с подругой была более чем откровенна и пряма.

Мне кажется, что если бы я рассказала об этом ба, то и она бы удивилась при всем своем советском воспитании. Современный мир давно отказался от этих пережитков и не желал покупать кота в мешке. То есть жениться, не проверив совместимость на интимной уровне.

– Всё это просто так? – спросила я и, не ожидая ответа, продолжила. – Я убеждена в обратном.

Илья такой правильный, а еще милый и очень хороший. Но я не хочу замуж сейчас!

– Все может измениться к тому времени! – произнесла Ира со вспыхнувшим взглядом. – Откуда столько убежденности, что он возьмет и не растлит тебя на радиаторе?

За меня ответила внезапно присоединившаяся к нам ба. Она, как и обычно выглядела невозмутимой. Ирка же покраснела, как помидор. Я же захихикала ее конфузу.

– Потому что тот, кто девушку поит, тот ее и танцует, Ирочка, – проговорила она, присев на отодвинутый мною стул. – Так думает восемьдесят процентов мужчин, а некоторые из них занимаются тем, что компенсируют свою несостоятельность в жизни якобы привитым воспитанием.

Бабуля взглянула в мою сторону, как мне показалось остро, а я даже бровью не повела, занимаясь чайными парами. Она не примет меня. У некоторых вся жизнь впереди, чтобы проявить себя.

– А оставшиеся двадцать? – просипела Назарова, но вид-

но, что теперь уже от смеха.

– По проценту достается всякого рода извращенцам и тем, кто привык так жить всегда.

Я хмыкнула про всякого рода извращенцев. Эта часть объяснения всегда смешила меня. Ведь у достойных тоже был один процент, а значит они были равны с теми самыми извращенцами.

– Как?

– Как твой Артем, например, – сказала ба, забрав из моих рук чашку свежесваренного чая. – Он ведь не прошел мимо твоих бед в свое время и не потребовал ничего взамен?

Ирина кивнула, улыбнувшись одними глазами. По ним было видно, что она унеслась куда-то далеко и эти воспоминания были приятны ей. Но щеки ее все еще пылали.

– Уже имеющиеся годы общения и эти полгода – идеальный срок, чтобы сделать предложение, – продолжила говорить ба, подвинув к себе уже наполненную чашку. – Этому будет располагать и место, и время, и антураж, и даже временный celibat, а также те средства, которые он уже вложил в нее и вложит.

Ба говорила ужасные вещи. Но это было правдой. Без прикрас и ложного стеснения. Однако мне было тепло с Илюхой больше, чем с кем-либо другим. Но неизбежность серьезных отношений пугала меня уже сейчас, едва они только начинались.

– Можно попробовать предложить разделить счета?

Я и ба посмотрели на Иру. Это было плохим вариантом. Об этом подумала я. Это сказала и бабуля.

– Это будет очень скверно смотреться, даже в нынешний век свободных нравов, – сказала ба, сделав глоток чая. – О хорошем настроении и отпуске можно будет забыть, что говорить про любованье поездом и городами, которые он будет проезжать.

Это будет кошмар. Будет проще купить билеты и отправить Илью обратно.

– Не смотрите вы так на меня! – потребовала подруга, вдруг улыбнувшись развеселой улыбкой. – Я предлагаю варианты, как это делают в маркетинге, например, придумывая новый слоган или название.

– Ну, если только так.

– Почему бы не поговорить о том, чего ты хочешь от ваших отношений уже сейчас?

Я покачала головой не потому, что очень хорошо знала мужчин, а потому что это бы прокатило с мужчинами толерантной Европы, раскрепощенной Америки, Канады или Австралии, но только не с теми кто вырос и пропитался идеями в патриархальной стране.

– Могу ошибаться, но мне кажется, что Илья не согласится.

– Зато это честно, – резюмировала Ирина. – Если что, то можно оборвать все начинания, потому что ты же предупре-

ждала его!

Я не представляла, как начну этот разговор, но зато очень даже хорошо видела, как сойдет с лица Илья. Я раскусила его однажды. Илья Скворцов – хамелеон и только притворяется нахальным, крутым и жутко современным, а на самом деле он лапочка.

– Тогда, почему бы тебе не отправиться в отпуск сейчас?

– Потому что в теплые страны стоит ехать зимой, а летом и дома хорошо.

Уверена, что не сказала бы этого несколько лет тому назад. Но все меняется и даже времена года не повторяют друг друга.

– В самом деле, Ид, – вдруг вмешалась бабуля. – Почему бы не отправиться в путешествие летом?

Я и рта не успела раскрыть, как она продолжила.

– Ты сейчас судишь об отпуске с точки зрения, как будет хорошо для сына, потом для себя, но для Ильи, который привык брать отпуск лето, как это делал каждый пролетарий до него.

Кажется, что этому умозаключению удивились все и даже я, в этот раз пропустив мимо ушей ее классовые замечания. Я уже забыла каково это перемещаться по миру без оглядки на сына, не спешить к нему по вечерам, не тянуть руку, ожидая, когда он вложит свою ладонь в мою.

– Поезжай и отдохни, заодно отпустив тумблер беспокойства на минимум, – говорила ба, довольно сверкая глазами

из-под шляпки. – Не беспокойся о Шуре – нянек у него тут будет предостаточно.

Над словами ба стоило задуматься и чем больше я думала о них, тем больше они нравились мне. Я могла не беспокоиться о сыне с приездом Марины и дяди Андрее. В их отсутствие я больше переживала не о его безопасности, а о том, что сын утомит далеко не молодую родственницу и еще хуже – не сможет позвать на помощь, если с ней случится что-то.

Я решила на этот разговор вечером.

Скворцов заехал за мной, чтобы прогуляться по Москве. Но я, видя его уставший вид, попросила свернуть в сторону смотровой площадки.

Смотреть на Москву можно было и так, выискивая знаковые здания в городские бинокли по периметру смотровой площадки.

А еще можно было любоваться закатом, целоваться до головокружения на нагретом капоте автомобиля, хохотать, вспомнив слова подруги и сердиться выдержке одного упрямого парня. Не то, чтобы я действительно мечтала об интиме в людных местах или салоне авто, но...

– Кстати, спасибо тебе за подарок, – проговорила я, обняв Илью. – Очень мило, что ты замечаешь то, что нравится мне.

Я знала, что парни и слово «мило» не сочетаются друг с другом, но все же решила использовать эту связку.

Это уже моя гордость и вредность во мне говорили.

Что не так со мной или с ним?

– Рад, что тебе понравилось, Артемиде, – проговорил тот, явно сердясь моему признанию. – Уже выбрала дату?

Он конечно же знал о чем я думаю, когда меня зовут полным именем. Наверное, как и многие в таких ситуациях я думала о школе и о том, что мне сейчас сделают замечание. Но ему я показала язык, а тот в ответ поцеловал меня, что заняло все тело и даже корни волос.

– Да, – ответила я, все-таки улыбнувшись своей затее. – На конец июля.

Я подумала о том, что Илье придется очень сложно этим летом, потому что я посмотрела экскурсионную программу, собиралась выглядеть на все сто, облачившись в сарафаны и платья из легких струящихся тканей. А еще планировать не забыть позагорать и поплавать в конечной точке нашего путешествия.

– Ты серьезно? – спросил Илья с четко слышимым удивлением в голосе. – Ты же хотела поехать зимой.

Я раздумала.

– Подумала, что надо съездить летом, – проговорила я, забравшись пальцами ему под футболку, но тут же отдернув их, – погреться на солнце, искупаться в море и отдохнуть от работы.

Мне очень хотелось прокатиться на винтажном поезде зимой; пройти по руинам, пряча руки в муфту, выпить горячего шоколада, рассматривая празднично украшенные города, но, поразмыслив, пришла к выводу, что летом эти места

не менее хороши, чем зимой.

– Как делают это все нормальные люди, – закончила я, а потом коснулась его подбородка носом.

Было еще одна причина, кроме моих страхов о предполагаемом предложении. Она смотрела на меня внимательными голубыми глазами на уставшем лице. Мне очень хотелось, чтобы он перестал напрягаться из-за меня и остановил свою подготовительную гонку.

Глава 8

Глава 8

Илья принял мою волю, но не успокоился. Что было ожидаемо. Ведь в этом мы были похожи друг с другом – нам было интересно поведение людей.

– Илья, ты сам подарил мне билеты с открытой датой, а теперь ты недоволен тем, какой выбор я сделала?

Скворцов продолжал не то спорить, не то упорствовать, не то сомневаться во мне. Я не понимала его и была близка к тому, чтобы обидеться на него за это.

– Просто скажи почему ты вдруг изменила свое решение? – спросил он, остановившись перед дверкой примерочной. – Есть какая-то особенная причина?

Кажется, что я потерялась в его последнем вопросе, хотя, причина все же была. Вот только он имел в виду что-то другое. Верно?

– Твоя взяла, Илья, я скажу тебе причину, – произнесла я, не сумев сдержать улыбку. – Я хочу соблазнить тебя и в платье у меня больше шансов, чем в шубе.

Я удивила его и кажется, рассмешила. Последнее не радовало. Только ленивый не в курсе того, что все важные вещи преподносят через шутку. А значит он смеялся всерьез.

– Теперь ответ устраивает тебя? – поинтересовалась я, а потом толкнула его в грудь. – Теперь иди!..

– Ты что обиделась?

Он попытался поймать меня снова, но у него ничего не получилось.

Мне очень хотелось увидеть Илью в чем-то еще кроме джинсов. Последние безумно шли ему. Но джинсы, как и вся прочая спортивная одежда были запрещены на территории Восточного экспресса. Поэтому нужно было подобрать что-то другое – близкое по духу, бюджетное и то, что можно было носить после поездки. Я подумала о сафари стиле, точнее его облегченной версии.

– А если не получится? – поинтересовался он, всем видом демонстрируя, что сдерживает, чтобы не улыбнуться. – Что будет тогда?

Что-то перевернулось во мне на эти слова и реакцию, тихо заныв и напомнив, чего именно мне не хватало в наших отношениях. Сейчас я говорила не о сексе, а о хорошем флирте.

– Если это обещание, то скажи прямо, – ответила я, отступая. – Я куплю спортивный тренажер от Satisfyer и заведу отношения с ним.

Илья не понял меня, что с одной стороны огорчило, сведя на нет возмутительную и пошлую игру слов, а с другой стороны радовало. Я бы покраснела еще больше, а дальше было уже просто некуда.

– Ид? – позвал Илья, отвлекши от блуждания по пустому пространству примерочной. – Можно тебя на минуточку?

Меня можно было на час, а еще лучше два. Я успела зазвучать пока ждала, когда он переоденется и поняла почему сильная половина человечества не любит ходить с женщинами по магазинам. Скука смертная гулять по залам, где нет ничего, что могло бы заинтересовать тебя лично.

– Да, – проговорила я, приблизившись к дверке в стиле салуна на Диком Западе. – Мало что-то или наоборот велико?

Потом я и пикнуть не успела, как оказалась в кабинке, прижатая к одной из ее стенок телом Скворцова.

– Илья! – воскликнула я, оправившись от первого шока и уперевшись в его плечи ладошками. – Ты что творишь?!

Мне не нужно было, чтобы он описал движения. То, что он прижимал меня к себе и одновременно гладил, соскальзывая пальцами под юбку платья, я знала и без него. Меня волновала причина переменившегося поведения, а еще почему вдруг поменялся его взгляд, с заплясавшими в нем огнями.

– Я тут погуглил тренажеры от Satisfyer – произнес Илья, нырнув под ткань белья и разместив ладони на моих ягодницах. – Конфета, ты не перепутала ничего?

Я очень активно замотала головой из стороны в сторону. Вопрос и рассмешил меня, и смутил, а его руки вопреки всему заставили забыть о смущении.

– Может быть фирму? – спросил он, слегка-слегка коснувшись моих губ своими. – Или путаешь тренажер со словом

массажер?

Этот Илья был похож на себя прежнего – наглого, уверенного в себе и очень харизматичного.

– Нет, – ответила я, смеясь. – Я собираюсь заниматься спортом, потому что здоровье – это важно!

– Значит, я для тебя здоровье? – спросил парень, подхватив меня под бедра и частично разместив на себе. – Это тебе нужно от меня?

Не знаю на что надеялся Илья, спрашивая это.

Но вышло не смешно, если это было первоцелью.

Второй раз за это недолгое время, как мы называемся парой, я подумала о том, что нам не нужно было быть ей. Подумала, сама не заметив, как перестала улыбаться ему и оказалась на полу.

– Ты спросил, что будет, если у меня не получится соблазнить тебя? – сказала я, вновь оттолкнув его руки. – Я отвечу тебе сейчас.

Я посмотрела на Скворцова.

– Ид, это была шутка.

Странно, что он не смеялся своей хохме.

– Я обижусь и быть может задам свой вопрос: что я для тебя?

По уму, в описываемой ситуации не стоило начинать разговор. Надо было собирать вещи и уходить. Потому что, если человек не хочет тебя, значит ему нужно что-то другое.

– Увидимся на кассе, – сказала я напоследок, прежде чем

отправиться в озвученном направлении.

Я считала, что напоследок, но Илья догнал меня и вернул обратно меньше через пять секунд.

– А давай ты не будешь убегать? – сказал Илья, толкнув дверь в кабину и поставив меня на ноги.

Мы вновь оказались в примерочной. Скворцов навис над мной, а потом и вовсе оттек, потому что я зарядила ему пощечину, взбешенная его жестом.

– Не смей таскать меня! – прошипела я, даже не подумав объяснить ему какая муха меня укусила, чтобы выкидывать такое. – Ясно тебе?!

– Мне ясно! – рявкнул Скворцов, дернувшись в сторону и заблокировав выход. – А теперь я хочу, чтобы кое-что стало ясно тебе, маленькая избалованная девочка!

Мне, мягко сказать не понравился тон, что он взял и как назвал меня. Кажется, что по внутренностям скользнула льдинка в ответ на это. Но я сдержалась, никак не отреагировав на это. Просто скрестила руки на груди.

– Никакого рукоприкладства!

От удивления мои брови поползли вверх. Вроде бы он первый начал это. Но я кивнула, никак не прокомментировав его слова. Я злилась на себя за свою несдержанность.

– Может ты объяснишь мне, что тебе так не терпится запрыгнуть ко мне в койку?

Ощущение скользнувшего холода повторилось, но в куда больших масштабах – по мне словно айсберг проехался.

– А что не так с тобой, Скворцов, раз ты не хочешь этого?
– ответила я, отодвинув его от себя. – Отойди, пожалуйста.

Удивительно, как просто общаться с людьми, когда на душе холодно, как в далекой Антарктиде. Они слушают и ведут себя так как надо именно тебе. Вот и Илья отступил, подавшись.

– Все просто, Илья, мне хочется т*** тебя, родить тройню и кинуть тебя на алименты, – проговорила я, одарив его взглядом напоследок. – Других причин почему я хочу тебя у меня просто нет.

Я прошла через зал, попрощалась с продавцами, не ответив ничего на вопросительные взгляды, шагнула в наполненный холл и устремилась к выходу. Я старалась держаться и не думать о том, что произошло, чтобы не грызть себя за собственное поведение, не расстраиваться сказанному и уж тем более не думать об однажды озвученном мнении ба.

– Дура! – пробормотала я себе под нос, опустив взгляд на ремешок сумки.

– Карамзина!

Мне надо было ускориться, услышав этот возглас, но я не стала делать этого. Иначе, все стало бы отдавать мелодрамой, и я не хотела выглядеть смешно в своих глазах.

Почему романтичному образу с локонами, женственным платьем и шпильками я не предпочла какой-нибудь casual? А еще лучше grunge?

Тогда бы я бежала, скандалила и больше бы ноги моей не

было в том бутике. Не будет. Я не смогу избавиться от ассоциаций, что именно в этом пассаже меня называли блядью.

– Подожди!

Хватило одного взгляда, чтобы пальцы Ильи исчезли с моего предплечья.

– Прости! Я не хотел обидеть тебя.

Я обошла его, не став выслушивать его хотелки-не хотелки. У меня уже был подобный опыт, и он очень плохо закончился, чтобы повторять его снова.

– Не остановишься?

– Нет.

Я шла вперед. Скворцов не отставал, шел впереди меня, а точнее пятился и продолжал говорить.

– Я не хотел тебя обидеть.

– Проехали.

– Ид, я серьезно.

– У тебя все получилось, – бросила я с вновь давшей о себе злостью. – Смирись с этим и живи дальше.

Он вновь сделал это – схватил меня, заставив остановиться.

– Убери. От меня. Руки.

Илья не подчинился.

– Извини меня за то, что наговорил, – вновь начал он, опустив руки сначала на локти, потом на кисти, а затем и вовсе сжав мои пальцы в своих. – Я не знаю, как это получилось, ведь ты просто удивила меня.

Я приподняла брови, тем самым требуя продолжения.

– Я про игрушку от Satisfyer, – пояснил он, неровно улыбуясь при этом. – Ожидал услышать что-то подобное от кого угодно, но только не от тебя.

До этого момента мне нравилось, когда на лице Скворцова появлялась эта противоречивая и одновременно притягательная улыбка. Она виделась мне дерзкой и смущенной одновременно.

– Это проблемы твоего восприятия, Илья, – проговорила я, посмотрев ему в глаза. – Как ты видишь меня и как все есть на самом деле.

Я сделала движение, чтобы скинуть его руки со своих плеч.

– Я так и сказал.

– Ты даже сейчас выставляешь меня дрянью, – я, посмотрев на него. – Ты не понимаешь этого?

– По-моему сейчас мы говорим о твоём восприятии.

Я не понимала его, как и того, как получилось так, что я совсем не знаю этого человека. Его как будто подменили и ладно бы в худшую сторону, как это было с Костей! Не думала, что связка «приличный и воспитанный юноша» может быть ругательством!

– Пошел в жопу, Скворцов, – бросила я и, прежде чем отвернуться добавила. – Так тебе понятно?

Он обнял меня. Я не сопротивлялась, но не потому, что ужасно хотела этого. Тут было другое. Я ждала, когда все за-

кончится. Так должно было произойти по законам Вселенной.

– Ты права – я сам придумал себе геморрой на голову, – проговорил он, не теряя времени даром. – Сначала я думал, что не пара тебе, а потом стал искать причину почему ты со мной.

Я вздохнула, стараясь не вслушиваться, а еще лучше – не думать над его словами. Пусть говорит. Потом он отпустит меня, и я уйду, оставив его в дружной компании его тараканов.

– Для по*** конечно же, – произнесла я, отметив про себя этот момент. – А ты, чтобы жениться на мне, правда?

Я говорила, совершенно не парясь, как не литературно, не культурно звучат мои слова. Правильно сказал неизвестный философ: некоторые люди понимают сказанное только тогда, когда говоришь с ними на одном языке.

– Да, – выдохнул он, потеревшись о мою щеку своей. – Как только стал думать об этом, то все пошло наперекосяк.

Осознание, что я оказалась права в своих подозрениях не принесло мне радости.

– Ну так расслабься, – посоветовала я, всматриваясь в текстуру нитей на его новой рубашке. – Ты прощен, но я не собираюсь выходить за такого идиота, как ты.

Похоже, что все они были или клиническими, или меркантильными, или ленивыми, или жадными кретинами.

– Я думала, что ты клевый – умный, веселый, вниматель-

ный, милый и добрый, – продолжила я, наконец освободившись из его объятий. – Но я ошиблась, потому что мне повезло – Боженка уберег и никогда не сталкивала меня с дураками.

читать роман "Не тот муж" <https://litnet.com/shrt/lqgK>

Глава 9

Глава 9

«Давай встретимся и поговорим?»

Я хмыкнула, прочитав push-сообщение. Илья становился изобретательнее. Признаться даже не ожидала от него этого. Ладно. Это во мне говорит сарказм и обида.

Чего-то такого стоило ждать от него. Он теперь не мог встречать меня после универа, детского сада или спортивной школы. Пришло лето. Наступили каникулы. Изменился график посещения занятий, секций, сессий у психолога и спортивных кружков.

Скворцов заваливал смс, pushами и войсами. Организовывал доставку цветов, конфет, фруктов и букетов из маленьких игрушек. Он караулил меня у дома.

Я не желала общаться с ним, игнорировала и оставляла без внимания многочисленные знаки внимания.

Мне хотелось загорать, читать закрывшись книгой от солнца, плавать в бассейне, толкая надувной пончик с разместившимся в нем Санькой, составлять списки в отпуск и проверять их, чтобы не забыть ничего, но и не набрать лишнего.

Осталось решить с кем именно я отправлюсь в это путешествие. Вариантов было совсем мало. Железобетонный был всего один. Но путешествовать с бабулей мне не хоте-

лось. Мы с ней постоянно вместе. Почти что двадцать четыре на семь.

Точно не думать о том какая я испорченная девочка, чтобы вырастить в себе чувство неуверенности или того хуже – какой-нибудь требующий психолога комплекс.

– Привет! – поздоровался Илья, поднявшись с высокого табурета.

Я вздрогнула, оторвавшись от переписки с Филом. Уговаривала его побыть моей компанией и... Начинала подумывать о том, а не взять ли мне с собой подругу? Раз вокруг все такие вредные.

Увидеть Скворцова после всего было удивительно. Но лицезреть его на собственной кухне, да с кружкой чая и тарелкой пирожков было поразительно вдвойне. Правда чаевничал он недолго, завидев меня, поднялся и поспешил навстречу.

– Ты здесь, что делаешь? – поинтересовалась я, отступив от него.

Илья, как всегда, выглядел замечательно. Фермерский и ковбойский стиль очень шли ему. Но я уже не верила этой крутости. Она была напускной.

– А он ко мне, – заявила выплывшая из кладовой Люсьен, – имею право приглашать гостей, так-то.

Неожиданно. Но, наверное, предсказуемо.

– Тогда приятного аппетита, – сказала я, взяв из холодильника бутылку с водой. – Не буду мешать вам.

Слова Люси расставили все точки над ё. Даже не своим содержанием, а пониманием за кого радуется наша домработница. История повторялась и очень хотелось поставить ее на место, если бы не ба. Она была хозяйкой в этом доме. Аделаида сделала ее членом семьи. Спасская могла позволить себе подобные высказывания.

– Ид, давай поговорим, – попросил Илья, как-то по шепоту заглянув мне в глаза. – Я объясню тебе почему повел себя так.

– Извини, я очень занята сегодня, – проговорила я, подняв махнув перед его носом смартфоном. – Маленьким избалованным девочкам так непросто поддерживать свой легкомысленный имидж.

Я прошла мимо него, подхватив с комода заранее приготовленную стопку для чтения. В ней были не только книги, но и глянец, газеты и самое главное учебные пособия.

– Артемида, ну будь же ты человеком! – крикнула Люся мне вдогонку. – Видишь же, что человек старается!

Люся бы передумала защищать его, если бы я объяснила ситуацию ее словами? Наверняка.

– Артемида!..

– Что?

Илья попытался сказать что-то, но я закрыла дверь перед его носом, прошла к шезлонгам и опустила книги на плетеный столик.

– Долго ты будешь бегать от меня?! – отчаяние в его го-

лосе можно было потрогать рукой.

Он задал вопрос в тот момент, когда я сняла шифоновую накидку. Он молчал, когда я вешала ее на крючок и не спешил продолжать, когда я улеглась на полотенце. Его молчание не вызвало понимания и злорадства. Наоборот, захотелось прикрыться и это желание разозлило меня.

– Ты уже достаточно сказал, Илюх, – попросила я, подбрав со стола книжку. – Возвращайся домой и больше не звони мне.

– А как же первый и последний шанс?

По-хорошему надо было звать на помощь Димку, даже несмотря на то, что Илья пришел к Люсе. Просто это все было за гранью и совсем уж грустно, честно говоря.

– Хочешь извалать меня в грязи еще больше? – спросила я, нацепив очки на переносицу. – Илья, не надо, а?

Пусть говорит, что это не так. Пусть его поддержит Люся, папа, Люба, бабушка...

Да хотя вся семья!

Это называется «валянием в грязи» и никак иначе.

– Мне жаль, но давай я всё объясню? Тогда ты поймешь меня.

– И тогда забуду обо всем? – поинтересовалась я не без улыбки. – Нет, Илья! Нет!

– Просто перестанешь воспринимать это так остро, – проговорил Скворцов, взяв мою руку в свою.

Я убрала пальцы, не без досады отметив тот момент, что

осталась один на один с ним. Всегда так! Хочешь побыть один и вокруг снует кучу народу. Хочешь компании и вместо нее развлекаешь себя отстойными мыслями.

– Я выслушаю тебя, но не обещаю ничего.

Вообще ничего!

– Я не рассказывал тебе, но я был женат.

Внезапно у него получилось удивить меня. Я даже глаза открыла, чтобы посмотреть на него и оценить сказанное. В том числе мне нужно было видеть, как это отразилось на его лице. Илья выглядел серьезным и потерянным одновременно.

– Четыре года я считал себя самым счастливым человеком на свете, – говорил Илья, отказываясь смотреть на меня. – Я был женат на умной, доброй, милой, целеустремленной и самой красивой девушке на свете.

Он женился на предпоследнем курсе института. Как водится родители были против столь раннего брака. Скворцов смог доказать, что они ошибались, чтобы в конечном счете понять, что все-таки правы были они – недалекие и устаревшие предки.

– У тебе есть дети? – спросила я, потянувшись за туникой.

Мне стало неудобно за свой внешний вид. Не на это я рассчитывала, когда он предложил объяснить мне все. В моей версии реальности он должен был видеть, что мне плевать на его закорючатое мнение.

– Были, – откликнулся Илья с дернувшейся щекой. – Вла-

да, Кира и Мишка.

Он не смотрел на меня, когда нахваливал жену и говорил о детях.

Слава Богу!

Потому что их количество немного шокировало меня. Это было немного, но по моему мнению как-то чересчур плодотворно для четырех лет брака.

– Ты общаешься с ними? – спросила я, налив и протянув ему бокал с водой. – Или, она запрещает тебе это?

Мне очень не нравился глагол «были», но я гнала от себя мрачные мысли.

– Лида не дает мне видеться с мелкими. Злитесь на меня за то, что я сделал экспертизу на отцовство.

Вот это и в самом деле было обидно. Уверена, что ни одна женщина не оставила просто так подобной выходки со стороны некогда любимого мужчины. Но все-таки это было слишком жестоко по отношению к детям.

– Не один из них не является моим ребенком, – сказал Илья, повернувшись ко мне и посмотрев прямо в глаза. – Но, несмотря на это, она все равно не дает мне общаться с ними, зная, что они не мои, но видя, как мне нужно это.

Лицо Скворцова было бесстрастным, чего не скажешь о глазах. Миниатюрные голубые озера превратились в бушующие моря.

– Понимаешь?

Я покачала головой не в силах вымолвить и слова.

– Четыре года мы прожили душа в душу. Четыре года я считал, что у меня идеальная семья! Я работал, старался обеспечить и бежал домой, чтобы в конце концов узнать, что моя милая жена, отправляясь погулять по городу, е*** со всеми подряд.

Кажется, я только что передумала не забывать ни о чем, что он сказал мне в магазине.

– Я поссорился с родителями и все это время не общался с ними, считая, что они несправедливы к ней и к детям! А они всего лишь видели все со стороны! Видели и не могли найти способа донести до меня правду!

Я поняла Скворцова. Вот только я не имела никакого отношения к его ситуации. Так же как не понимала, как действовать дальше. Наверное, никто не знает, что говорить и куда идти после таких слов.

– Илья, ты ведь понимаешь, что я здесь совершенно не причём и не заслуживаю подобного отношения?

– Если бы заслуживала, – сказал Скворцов, слабо улыбувшись при взгляде на меня, – то я бы не бегал за тобой все это время.

Уж не знаю почему, но этот ответ не понравился мне. Было в нем что-то такое самодовольное.

– Я услышала тебя, Скворцов, – сказала я, забросив ноги на плетенный лежак. – Как уже сказала ранее, я принимаю твои извинения.

– И всё?

Илья пересел ко мне, не дав улечься обратно. Несколько минут мы играли в гляделки. Илья ждал ответа, а я решала, а хочу ли, чтобы он был в моей жизни. Совесть, признание его прошлых поступков и просто симпатия победили.

– Ты, в отличие от меня, знаешь, что я была замужем, – проговорила я, прикоснувшись к его зачесанной назад челке.
– Но разве я заставляла тебя чувствовать себя мерзко?

– Все-таки отказываешь дать мне шанс?

Я помотала подбородком из стороны в сторону.

– Прошу тебя снизить градус внимания к моей избалованной персоне!..

– Ид!

– Ну что Ид?! – передразнила я, приподняв уголки губ в улыбке. – Ты сам это сказал, а я всего лишь повторяю.

Он потянулся ко мне и даже поцеловал. Поцелуй был коротким и не требующим какого-то ответного движения губ.

– Слушай, ты ведь нравишься мне такой, – прошептал он, знакомо уперевшись в мой лоб своим. – Даже, когда дерешься.

Во мне проснулся «душнилка», который потребовал рассказать, что это Илья все начал, а уж потом... Я послала этого типчика в задницу.

– Не знал, что ты такая темпераментная.

– Я хочу, чтобы ты походил к психологу, – произнесла я вместо того, чтобы разомлеть от сомнительного «комплимента». – Не ради меня, а ради себя сделай это, пожалуйста.

Я избалованная девочка и не хочу лечить никого, то и дело проглатывая собственные обиды.

– Я ведь не сравниваю тебя с бывшим мужем.

Илья смежил веки, демонстрируя всем своим видом, что ему не нравится сказанное. А я чуть было не зависла, задумавшись над тем в чью именно пользу было бы это сравнение?

– Хорошо, – он кивнул и даже поддался вперед. – Только тебе придется помочь мне, потому что я ума не приложу, где найти нормального специалиста.

Меня порадовали его слова. Признаваться в проблемах, так же как уметь просить помочь – не стыдно, а признак зрелой личности. Это только на словах легко сказать «я пойду к психологу» на деле это целое приключение, а хуже – мытарство, чтобы найти толкового и подходящего тебе специалиста.

– Только это еще не все, Скворцов, – я села по-турецки, закрыв бедра тканью туники. – Пожалуйста, оставь идею жениться на мне.

– Значит мы просто встречаемся ради одних только встреч? – спросил Илья, взглянув так, что на душе кошки заскребли.

Его взгляд прямо на глазах заполнился выражением тоски и грусти.

– Мы встречаемся, потому что мы прошли этап дружбы и хотим попробовать, а получится ли что-то большее.

Я сказала ему это и тут же задалась вопросом: на кой черт я утешаю и убеждаю его в чем-то?

Так, правда, выглядят серьезные отношения?

Боже ты мой! Неужели я добровольно иду на это?!

– Ид, все хорошо, – сказал Илюха, неожиданно улыбнувшись. – Я взрослый человек и понимаю, о чем ты говоришь мне.

– Правда?

Из меня вырвался вздох облегчения, чтобы в следующую секунду превратиться в пар.

– Правда, Карамзина, а еще я старше тебя, мудрее, опытнее и сдержаннее, – выдал Илья, коснувшись кончика моего носа. – Но слушать твои объяснения приятно, ты повзрослела с нашей первой встречи.

– Ты путаешься в словах, Скворцов, – рявкнула я, оттолкнув его от себя, что есть силы, – Правильно будет не «мудрее», а «глупее»!

Как я и рассчитывала, Илья не смог совладать с равновесием, краем шезлонга и близким соседством бассейна, упав в него и разбудив своим появлением миллионы белоснежных пузырьков.

– Ты хотела сказать «наглее»? – уточнил Илья, вынырнув из воды. – Вроде так и должно быть!

– Что же ты такой зрелый и мудрый сам не отправился к мозгоправу? – поинтересовалась я, деланно сердито, но даже не думая злиться на него.

Ощущение саспенса отпустило меня. Илья не загонялся так сильно, как я напридумывала себе ранее.

– Почему ждал, когда тебе об этом скажу я?

Скворцов подплыл к бортику бассейна, посмотрев на меня сверху-вниз, и поманил меня к себе.

– Потому что после того, как я развелся – проговорил парень, после того как я присела на корточки, – я не заводил отношения, а...

Мне очень хотелось значить что следует за этим «а».

Я знаю, что я та еще наивная душа и продолжение было более чем очевидно для взрослого, мудрого, опытного мужчины в самом расцвете сил.

Илюха выбрался из бассейна, уперевшись ладонями в его бортик.

– Давай, Скворцов, скажи это, – потребовала я, любуясь его мокрым видом. – Я позову Димку, и он вынесет тебя отсюда.

Несмотря на то, что его нынешнее поведение не противоречило прежней манере вести себя, меня все-таки подбесили его поддразнивания.

– Злая ты, конфета, – проговорил Илья мне в губы и, прежде чем прижаться к ним и утянуть меня в воду, добавил. – Я искал тебя.

Позёр, успела подумать я, прежде чем оказаться в прохладных и ласковых объятиях воды.

Глава 10

Глава 10

– Ид, перестань накручивать себя! – потребовал Илья, ворвавшись в мои мысли. – Все будет хорошо.

Я сначала не поняла, о чем он толкует мне. Так же как первые три секунды не совсем соображала, где именно я нахожусь. Я моргнула один раз, второй, потом еще и наконец вспомнила, что мы в самолете.

– Мы ведь всего на неделю едем, – продолжил Скворцов, сжав мои пальцы. – Если бы не Сашка, то я бы подумал о том, что ты боишься летать.

Зря он «разбудил» меня. Там, где я была пять секунд назад, было тихо, словно в омуте памяти профессора Дамбалдора, всплывали какие-то воспоминания, которые по тем или иным причинам тревожили меня.

– Не боюсь, – я вздохнула, посмотрела на наши руки и слабо улыбнулась ему. – Просто...

Я помолчала немного, решая, а говорить ли Илье все, что творилось у меня на душе. Там было не спокойно и я никак не могла понять в чем причина. Полчаса тому назад все было нормально!

– Я уже отвыкла быть без него, – проговорила я медленно, решив остановиться на том, что было понятно и мне, и Илье. – Это странно ощущать себя свободной.

– Ищи плюсы во всем.

Илья продолжил говорить, расписывая положительные стороны отпуска. Среди них были новые впечатления и возможность расслабиться. Это были очевидные вещи, признаем это.

– Не стоит думать о том, на что ты не можешь повлиять.

– Ты прав, – ответила я, посмотрев в иллюминатор на плывущие за бортом облака и на проглядывающее между ними лоскутное одеяло земли. – Не стоит.

Я слушала его, иногда кивала и думала о том, как пройдет приземление. Это было лучше, чем поддаться сиюминутному раздражению и сказать ему, чтобы он не советовал мне как именно стоит думать и тем более чувствовать себя.

Илья хотел мне добра.

Мне хотелось поскорее приземлиться, пережить первые минуты нахождения в стране и осознать, что ощущение «возвращение в кошмар» ничто иное, как паническая атака.

Франция – не Великобритания. Французы никогда не любили островитян. Они иначе относятся к «пунктикам», которые иначе, как одержимостью не назовешь. Та история уже мхом поросла!

– Ты как?

– Я так плохо выгляжу? – поинтересовалась я, подняв взгляд от переписки с ба. – Ты уже в пятый раз задаешь мне этот вопрос.

Моя права бровь изогнулась помимо воли, и я поспешила

улыбнуться, чтобы стереть с лица насмешливое выражение. Знала, что оно было таким. Мне через одного говорили об этом и даже люди чье мнение действительно имело значения для меня.

– Ты выглядишь так, словно это ты пришла встречать меня, – проговорил тот, потянувшись и коснувшись моих губ. – Настоящая француженка!

Я приоделась, еще будучи в Москве, проигнорировав привычную для многих одежду для путешествий. Джинсы и футболка остались в Москве. Их место заняла белое платье-рубашка. Такой непрacticный белый, исконно итальянский цвет очень нравился и шел мне, подчеркивая подмосковный загар. Я хотела быть красивой сразу, без элемента спектакля и переодеваний в купе.

– Особенно, когда говоришь на местном.

– Приятно слышать и – начала я, но была безжалостно перебита своим спутником.

– Может выпьем кофе в местном кафетерии? – он показал глазами в сторону небольшого островка со столами и стульями.

Я подхватила чемодан, поставив его на колесики и уже приготовилась возмутиться, как Илья опередил меня.

– Ты ведь не обедала в самолете.

Я закрыла рот, как только до меня дошло, что он сказал мне. Он предложил мне выпить кофе в аэропорту. Скворцов! Тот у которого целая теория невероятности на этот

счет! Там все завязано на качестве, деньгах и неразумном мотовстве.

– Илья, все хорошо, – я поспешила успокоить его, вдруг посмотрев на него совсем другими глазами. – Самое трудное уже позади.

Я не спешила трогаться с места. Илья волновался, а я только сейчас заметила это, что немудрено ведь напряжение отпустило меня – не было ничего такого, что запомнилось мне в последнее большее путешествие за границу.

– Нам еще нужно добраться до восточного вокзала, – сказал Илья, сделав шаг в сторону, но тут же вернувшись ко мне. – Не думал, что тут все так запутано.

Я видела, о чем он думает. Он заморочился и маленькое путешествие стало напрягать его.

– Нас встретит Фил, – произнесла я, пройдя к эскалатору и посмотрев на него снизу-верх. – Я не говорила тебе об этом?

Я смолчала об этом, решив сделать небольшой ответный сюрприз и избавить от суеты пересадок. Как выяснилось – зря.

– Мы чуть-чуть посмотрим город и даже выпьем нормального кофе, а не то, что подают в местных кафешках.

Илья остановился у терминала покупки билетов, повернулся ко мне и смерил тяжелым взглядом.

– Спокойно приедем на вокзал и войдем в поезд, когда туристы разбредутся по своим местам.

– Не сказала, – проговорил он, обняв и шумно выдохнув

мне в шею, – а надо было.

Мне стало чуть-чуть совестно за свой экспромт. Почему-то я забыла о том, что он путешествует вот так в первый раз и ни разу не вспомнила об этом, потому что он был таким уверенным в себе. До этого часа.

– Ну и где твой Фил? – осведомился Илья, когда мы вынырнули из метро и оказались на одной из улиц Парижа. – Он точно не забыл о нас?

В его голосе вновь слышались беспокойные нотки, но он слава Богу ни разу не распек меня за «неправильную» дружбу с ним. Француз по меркам русских мужчин вел себя чуть более распущено, чем того велели правила хорошего тона наших соотечественников.

– Точно, – проговорила я, посмеиваясь над его словами. – Для него это нормально.

Я огляделась по сторонам в поисках парковки автомобилей, не заглянув в переписку, но вспомнив о месте, где Фил обещал ждать нас.

– Нам туда.

Мы прошли немного, а я потянулась к смартфону, обуреваемая желанием выключить его к чертовой бабушке.

– Сейчас убавлю звук, – проговорила я, потянувшись к висящей на бедре сумке.

Родственники со всех сторон света не желали оставлять меня в покое и решили спросить, сказать, сообщить то, что было абсолютно неважным в данную минуту.

– Как тебе моя идея? – раздалось неподалеку с последующим восклицанием. – Николас!

Я забыла зачем достала смартфон, как только услышала это имя, содрогнулась и просто ткнула в экран, уговаривая себя перебороть непреодолимое желание повернуться и посмотреть на того, кому принадлежало это имя. Оно было достаточно распространенным. Но только не в моей жизни. Никто не поверит, но среди моих знакомых нет ни одного Николая.

– Что за тон, милый?! – продолжила смеяться какая-то женщина. – Ты совершенно не слушаешь меня!

– Ты идешь? – поторопил Илья, оглянувшись на меня.

Я кивнула ему, а сама перенесла вес на пятку, чтобы крутануться на ней и посмотреть на того, кто находился за моей спиной.

– Посмотри куда он смотрит и все поймешь!

– Дать тебе платок, чтобы вытереть ему слюни?

Мое сердце билось, как сумасшедшее, когда я все-таки сделала то, что намеревалась сделать и увидела его.

Его!

Николас, как и я замер, глядя на меня.

То, что это был он в том не было никаких сомнений.

Он практически не изменился за эти три года только сменил классический костюм на джинсы и рубашку, но это шло ему, подчеркивало телосложение и рост, шло глазам.

Уже привычно он был окружен женщинами, смеющимися-

ся, красивыми, собственнически держащими его под руки.

Что-то случилось со временем. Оно растянулось, позволив разглядеть все, осознать, а также дать под дых.

Боль пришла не немедленно. Она настигала, неспеша, отравляла настоящее пониманием всего, что произошло со мной и заставляла задыхаться от рождающихся в груди рыданий.

– Наивная дура, – прошептала я себе, как и когда-то, не в силах удержать это признание в себе. – Какая же дура!

Оно заставило осознать, что все сделанное мной зря. Не стоило поддаваться слабости, любопытству и даже одержимости, поворачиваться к нему и вообще, хранить что-то в своей душе.

Замершее мгновение дало возможность вспомнить почему именно я ушла в тот день – Николас был и оставался подлым обманщиком, мерзавцем и козлом каких свет ни выдывал.

А ведь у меня был Сашка, который когда-нибудь спросит о нем.

Затем передо мной возник Филлип. Вовремя надо сказать, потому что реальность вдруг задрожала и стала превращаться в какой-то мутный сон. Показалось даже, что не было ничего. Это была игра разума, который пытался таким образом попрощаться, уколов напоследок.

– Решила уехать, не дождавшись меня? – пошутил он, взяв за плечи. – Только из-за того, что я опоздал на пару минут?

Я сморгнула несколько раз, посмотрев на друга.

– Скажи, что ты видишь тоже, что и я? – попросила я тихо, пытаясь сделать вдох сквозь рвущиеся рыдания. – Я ведь не схожу с ума?

– Да, – как будто невпопад ответил Фил, продолжая улыбаться мне. – Пойдем отсюда, милая?

Улыбка цвела на его губах, но не в глазах. Они были серьезными, а еще очень злыми.

– Подыграешь мне?

Я кивнула, надеясь, что сделала это ни через чертову вечность.

– У тебя ничего не выйдет, милая!

Он устраивал спектакль, на который оказалась не способна я. Мне всего-то и нужно было, что просто улыбнуться фирменной улыбочкой Спасских, послать воздушный поцелуй и закрутить задницей в нужную мне сторону.

– Дай-ка сюда! – воскликнул француз, потянувшись и забрав чемодан из моих рук. – А теперь иди сюда!

– Не смей! – успела выкрикнуть я, прежде чем мир кувыркнулся и встал с ног на голову.

Филлип присел передо мной, позволив увидеть так и не «оттаявшего» Николаса еще раз, сказал быстро: «тебе придется подыграть мне!», а потом закинул на плечо.

– Филлип! – воскликнула я, ударив его по спине кулаками. – Немедленно поставь меня на землю!

Это маленькая встряска погнала мрачные тени прочь и до-

бавила процент к упавшему заряду батареи под названием «настроение». Она же заставила меня покраснеть и вспомнить об еще одно участнике этой нескончаемой пьесы.

– Илья! – обратилась я к знакомой рубашке, брюкам и чемодану в руках. – Ну хоть ты скажи ему!

– А что я ему скажу?! – откликнулся недовольный Скворцов. – Я ведь не бельмеса по-французски!

Я попыталась приподняться, но понятно, что все тщетно, представила, как выгляжу и поняла, что чувствуют героини многочисленных романов – беспомощность, возмущение, стыд и все-таки веселье. А как иначе? Что можно поделаться, когда висишь, задрав зад?

– Что ты творишь? – спросила я, как только меня поставили на ноги. – Как вообще можно подыграть в этом случае?

Фил даже бровью не повел в ответ на это. Как и не подумал улыбнуться, упростив мне жизнь в одном случае и усложнив в другом.

– Ты справилась, детка, – ответил лохматый парень, передав глазами то, что я ожидала увидеть у нее на губах.

Он веселился, а я все еще возмущалась. Юбка была на месте, но меня не покидало ощущение, что я так и стою в трусах перед ним, овеваемая всеми парижскими ветрами.

– Как прикажешь объясняться с ним?!

Я кивнула на недовольно сопящего рядом Илью.

– Ты бы еще поцеловал меня, мать твою за ногу!

– Это хорошая идея, милая, – проговорил тот и даже по-

тянулся к моему лицу, успев скользнуть по щеке кончиками пальцев. – Он ведь еще смотрит на нас!

Я отклонилась, успев ударить его по пальцам. Однако, поворачиваться и проверять говорит ли он правду не стала.

– Не смей! – приказала я и даже погрозила ему указательным пальцем. – Что ты потом скажешь ему?

В этот раз я не повернулась, чтобы взглянуть на бывшего мужа.

– Скажу ему, что я имею право делать на своей земле все, что захочу, – ответил Фил, опустив очки на переносицу. – Так и передай своему женишку!

Глава 11

Глава 11

– Вот сам и скажи ему это! – воскликнула я, заставив себя улыбнуться, а потом очень тихо добавила. – Фил, поедem отсюда, пожалуйста?!

Все равно, что Николас еще смотрит на нас. Наплевать, что он понял, что это постановка ведь в похожей он участвовал когда-то.

– Ты очень хороший друг, но мои силы заканчиваются, и я больше не могу быть на позитиве.

Точно также, как не могу игнорировать Скворцова. Илья вообще здесь не причем и не должен быть в этом цирке.

– Хорошо, милая, – проговорил он ласковым голосом. – Но ты должна пообещать, что мы поговорим об этом вечером.

– Договорились, – мило улыбнулась я, – но до тех пор не устраивай больше ничего подобного, пожалуйста.

Фил дернул уголком губ в коварной усмешке, после чего щелкнул сигнализацией и отправился укладывать мой чемодан в багажное отделение.

– Что это было?! – спросил Илья, ударив по поднятой двери – Ида, переведи ему!

Он повернулся ко мне, наградив требовательным взглядом.

– Будь так добра.

Его тон напряг меня, как и сцена ревности, что он начал устраивать мне. Она была запоздалой из-за языкового барьера, но Илья имел права на нее и не имел одновременно.

– Илья...

– Просто переведи или мы возьмем такси!

Фраза после «или» возмутила меня, но происходящее не шло ни в какое сравнение с близким соседством бывшего мужа. Мое периферийное зрение уже захватило его, а я не желала, чтобы он еще хоть как-то появлялся в моих воспоминаниях.

– Я тебе и без перевода скажу, что он решил подшутить над тобой – я убрала руки в карманы, осознавая, что язык тела выдаст меня внимательному наблюдателю.

Но Илья не был таким.

Чёрт!

Я уже вру своему парню.

– Сказал, что решил показать тебе, что именно произойдет, если ты не поспешишь с предложением, кольцом и другой важной для меня романтикой.

– Объяснение совсем короткое для той Санта-Барбары, которую я увидел сейчас.

Я все-таки психанула, открыла двери автомобиля и села вовнутрь, но перед этим все же бросила ему:

– Если не веришь мне, то начни учить языки и общайся с моими друзьями самостоятельно.

Оказалось, что выносить неприлично близкое соседство бывшего мужа было невыносимо, так же как собственную изворотливость и неверие Ильи.

– Привет, Артем, – проговорила я, набрав номер юриста, – лучше бы ты сказал мне правду, когда я просила тебя об этом.

Я вздохнула, сдерживая себя от того, чтобы не наорать на человека, который за все эти годы стал моим другом.

– Я бы оказалась морально готова к встрече с Николасом, не вела себя, как истеричная дура, не врала и не портила отпуск близкому мне человеку.

Я заблокировала смартфон, убрала его в сумку, но практически тут же достала его, принявшись начитывать новый войс.

– Я не стала звонить никому и радовать этой новостью. Пока.

Попрощавшись, я побилась головой о подголовник, уговаривая подумать об этом завтра, а еще лучше никогда, шумно выдохнула, а потом обратила внимание на то, что ни Илья, ни Филлип не спешили присоединиться ко мне так быстро, как мне бы хотелось в данную минуту.

– Снегуркин ты сын! – прошипела я, подавившись вздохом из удивления и злости, что родились в моей груди.

Было с чего надо сказать.

Илья, Филлип и Николас мило беседовали друг с другом, стоя рядом с автомобилем, в котором находилась я.

Они. Беседовали. Втроем.

Илья был привычно сосредоточен. Фил привычно невозмутим. Николас...

Я отпрянула от двери, когда он положил руку на крышу иномарки.

– Ид, что случилось? – спросил динамик голосом Ирины Золотаревой. – Прослушала твои сообщения и решила позвонить, наплевав на приличия.

Вот что мне нравилось в Золотаревой так это то, что она не стеснялась совершенно неприемлемых в нормальном обществе вещей.

– Мы только что прилетели в Париж. Нас встретил Филлип. Я сижу в машине и жду, когда он, Скворцов и Николас наговорятся друг с другом.

– Что?!

Мне пришлось повторить ей, а для начала рассказать, как прошла эта встреча.

– О чем?!

Будь я в курсе о существовании Николаса в мире живых еще вчера, то сегодня, успокоившись, я бы обязательно поинтересовалась, нажав на стеклоподъемник, о чем именно разговаривают эти трое.

– Я не знаю и не хочу знать этого – проговорила я с задревеневшим горлом. – Я хочу, как можно скорее уехать отсюда, а они беседуют рядом со мной.

Сейчас же мне хотелось перебраться на другую сторону,

выйти, обойти авто и накричать на него, потребовав, чтобы он убирался в ту Валгаллу, из которой выполз на свет Божий.

– Ты, как сама? – поинтересовалась подруга. – Я должна спросить тебя об этом.

– Я не рада, если ты об этом, – произнесла я, заставив себя улыбнуться. – Но я в порядке.

Я вздохнула, прикоснувшись к лицу, помяла переносицу, помассировал глабеллу, а потом призналась:

– Ир, это так ужасно.

– Я понимаю, – откликнулась подруга с печалью в голосе. – Очень жаль, что меня нет рядом.

Я вздохнула, очень надеясь на то, что это мини сеанс «нытья» поможет мне справиться с происходящим в моей жизни.

– Хуже всего то, что впереди две недели отпуска, а я буду думать об этом дне ежечасно, – продолжила говорить я, задрав лицо к потолку. – Даже поплакать не смогу, чтобы не объяснять Илье ничего.

Ирка ожидаемо поинтересовалась о причине по которой я не смогу быть откровенной со Сковрцовым, а я естественно рассказала о выходке Филлипа.

– Правду говорить никогда не поздно, – заметила Ира тихо. – Знаю, о чем говорю.

– А нормально плакать при этом? – поинтересовалась я, очень хорошо осознавая, что кроется за этими слезами. – Я перезвоню тебе, ладно?

Филлип сел за руль, поправил зеркало и улыбнулся, пой-

мав в нем мое отражение.

– Хорошо, – согласилась подружка с задумчивостью в голосе. – Позвони мне вечером, ладно?

Я посмотрела на находящегося на улице Илью и Николаса, а потом вновь перевела взгляд на Фила.

– По-твоему, это смешно?

– Это очень забавно, Арти, – проговорил он, повернувшись ко мне. – Этот козел все еще равнодушен к тебе.

В сердце что-то кольнуло в ответ на это, так же как благодарно улыбнулось этой простой и незамысловатой поддержке.

– Ты ошибаешься, – произнесла я, посмотрев на оставшегося на улице Илью. – Но мне все равно.

Фил качал головой.

– Я не ошибаюсь в делах любви, – сказал он, повернувшись и протянув мне ладонь. – Дай мне свою руку немедленно!

Я колебалась, несмотря на то что доверяла Филлу.

– Отомсти ему, Ида, – говорил Фил, улыбаясь однажды запомнившейся мне обольстительной улыбкой. – Пусть видит, что у тебя полно поклонников, среди которых и я, который однажды провел его.

Я нахмурилась.

– Он ведь думает, что мы друзья.

– Скворцов тоже так думает, – произнесла я, подчинившись его требованию. – Ты понимаешь, что я не увижу его

больше никогда, а вот с Ильей все наоборот...

– Как знать, девочка!

Он мог ошибаться в таких людях, как Николас, но он очень хорошо понимал науку мести и подлости. Этому его научила работа, только на первый взгляд походящая на мечту и кровь, не зря среди его предков значились интриганы, революционеры, отравители и великие полководцы.

– Ты ведь видел, что он был не один? – осведомилась я, вернувшись к теме «он неравнодушен к тебе».

Я смолчала о трех годах отсутствия в своей жизни, которые могли бы объясниться (нет) хоть чем-то.

– Это ничего не значит.

В мире мужчин, возможно, так и было. Но я дернула плечом, отмахнувшись от этого разговора, быстро осознав, что заостряю внимание на этом.

– Как говорят русские?

Он пощелкал пальцами.

– Не говори «гоп» пока не перепрыгнешь?

Я была уверена в том, что перепрыгну, потому что это только молния дважды, а то и трижды разит в одно место. С отношениями это не работает – не будет так хорошо, как прежде уже никогда.

– О чем вы говорили с ним? – осведомилась я, сжав его ладонь, чтобы он перестал нести чепуху. – О чем он сейчас говорит с ним?

– Илья назвал меня сыном собаки, сказал, что заблуждал-

ся на мой счет и пообещал, что набьет мне лицо, если я повторю что-то подобное. Я не опустил до оскорблений, как ты понимаешь, сказал, что не понимаю сути его претензий ведь ты свободна, не обременена какими-либо обязательствами и насколько мне известно не обещала ему ничего.

Я чуть было не застонала от досады. Филлип оказал мне медвежью услугу! Если я хоть чуть-чуть права насчет натуры Ильи, то он поспешит исправить мое отсутствие обязательств.

– Также, я посоветовал ему завести чувство юмора, – продолжил Фил, улыбаясь и целуя мои пальцы. – Я не сделал ничего такого, чтобы тот вел себя подобным образом.

Мой стародавний приятель усмехнулся, и я увидела за этой эмоцией осуждение и снисхождение одновременно.

– Николас, как и я сделал вид, что мы незнакомы и был очень любезен, предложив Илье услуги переводчика.

Кажется, что я потеряла дар речи, осмысливая сказанное.

– Именно поэтому я не воспринял близко к сердцу все эти оскорбления, – закончил он, коснувшись моих пальцев губами. – Ид, расслабься насчет своего бойфренда, он должен доверять тебе, а не вести себя, как дурак на рыночной площади.

Я тоже так считала, но есть то, что сильнее нас, хотя бы потому что является частью нашего ДНК.

– Я не грущу насчет не умеющего вести себя Ильи, а думаю о том, что это Муркин сын лезет в мою жизнь.

Фил блеснул глазами, понимающе улыбнулся, а потом отпустил мои руки, выпрямившись и не без облегчения выдохнув.

– Не знаю, о чем болтали эти двое, но ты ведь понимаешь, что Николас делает это не просто так?

Я не ответила, предпочтя думать об Илье, а не о постороннем человека. Я была удивлена его поведением. Он мало того, что доверился незнакомцу, но и позволил себе уйти куда-то, не сказав и не предупредив меня ни о чем.

– Он взрослый мужчина, Ида, – говорил Фил, косясь по улицам Парижа. – Не ребенок.

Я не беспокоилась о Скворцове в этом ключе. Он не мог заблудиться – интернет, слава Богу, не выключили, а значит еще были доступны google-карты, google-переводчик и просто мобильная связь, чтобы позвонить мне и попросить о помощи.

– Ты понимаешь, что нормальные люди так не поступают? – проговорила я, крутанув смартфон между пальцами и вновь посмотрев в окно. – Они предупреждают, устраивают сцены, ставят ультиматумы и только потом бегут куда-то.

Почему сейчас нельзя было сделать также? Почему сейчас нужно было уйти или может даже вернуться в аэропорт, не сказав ни слова?

– С нормальными скучно, Ида, – сказал Филлип, наконец остановив авто на какой-то живописной улочке. – Пойдем выпьем кофе и перекусим чего-нибудь?

Он признался, что проспал, не успев позавтракать.

– Не денется никуда твой мавр, – говорил Фил, покрутив в руках круассан с авокадо. – Худшее, что может быть – он отправится домой не сегодня, а завтра.

– Это, по-твоему, худшее?

– Ид, он ведь русский, а вы умеете выкручиваться из любого дерьма, в которое сами иной раз вляпываетесь.

С этим даже не поспоришь.

– Не истери.

Я кивала на все, что он говорил мне, а сама размышляла о том, что делать мне. Разворачиваться и лететь обратно в Москву? Об этом не могло быть и речи. Правда путешествие в одиночку было тем еще вариантом. Не худшим в любое другое время, но только не сейчас.

– По-моему это удачный повод, чтобы привести мысли в порядок и больше не думать о том, что ты виновата в чем-то перед этим ублюдком.

Фил отсалютовал мне чашкой с кофе.

– Может даже завести новый роман.

– Он так сильно не нравится тебе? – удивилась я, осознав, что не замечала за ним ничего подобного.

Но оказалось, что Фил был другом мне, а со всеми остальными был просто вежлив и мил. Речь шла о моем окружении естественно.

– Я думаю, что он не твой типаж, – благодушно откликнулся он, кивнув кому-то. – Только и всего.

Я не успела спросить Фила о том почему он так думает, как наконец объявился Илья.

– Алло, – я ответила на его звонок не сразу, а только спустя три гудка.

Это называлось стервозностью, но я не парилась по этому поводу.

– Ты где? – поинтересовался Илья хмуро. – С этим французшкой?

Невероятным усилием я заставила себя проглотить ответный вопрос: а ты со своим?

– Я с другом пью кофе и ем круассаны в кафе – проговорила я, взглянув на свою тарелку – с чудесным видом на Эйфелеву башню.

Я так и не притронулась к еде, но осушила две чашки безумно вкусного кофе.

– Не хочешь спросить, где сейчас я?

Было дело. Но я не стала признаваться ему в этом.

– Нет.

Некоторое время я и Скворцов молчали, но победила я, потому что он наконец попросил адрес заведения, в которое меня привел Фил.

– Записывай.

Я сказала ему его, потому что мне, на самом деле, не хотелось ссориться из-за одного мудилы. Еще мне было любопытно увидеть, как он поведет себя по прибытии и, если честно, очень хотела знать, где был Илья и о чем именно он

болтал с моим бывшим мужем.

Глава 12

Глава 12

– Ты обманула меня – начал Илья, заставив напрячься с первых секунд своего появления. – Отсюда вообще не видать Эйфелеву башню.

Прошло что-то около пятнадцати минут с нашего разговора по телефону, а Илья уже был в кафе, до которого мы с Филом добирались около двадцати минут. Невероятная скорость для человека, который не знает города от слова «никак». Впрочем, все стало объяснимо буквально через несколько минут после того, как он сел за стол. На террасе появился тот, с кем мне не посчастливилось быть в браке.

– И это прекрасно, – ответила я, улыбнувшись ему. – Так считает каждый парижанин.

Я решила следовать правилам хорошего тона, которые в подобных случаях велели оставаться милой и дружелюбной, ни в коем случае не вступая в возможную конфронтацию.

– А ты я вижу не скучаешь, – проговорил Илья, сев за стол. – Тебе настолько все равно на меня, Карамзина?

Удивительно, что может сделать с человеком правильная компания. Он общался с Николасом чуть больше часа, а эффект такой как будто он сходил на мотивационную беседу или вступил в общество саентологии.

– Ты даже не позвонила мне.

– Я уверена в тебе, Илья, – проговорила я, потянувшись к круассану в шоколадной глазури, – а еще я знаю, что ты взрослый человек, которому, как и мне нужно было остыть.

Мне нужно было занюхать тот аромат, что принес с собой Скворцов – от него разило парфюмом Николаса. Оставалось догадываться почему так сильно. Мысли были как одна пошлые. Целовались они что ли?

– А почему не позвонил ты? – я с удовольствием вдохнула запах сладкой сдобы, да так бы и осталась с ней, если бы не шоколадная глазурь. – Ты ведь не доверяешь мне настолько, что устраиваешь скандалы посреди улицы.

Я отложила булку на тарелку, принявшись оттирать пальцы. Облизывать их, как велела Люсьен Растопчина кухарка дома Спасских не хотелось.

– Ид, ты хочешь поссориться? – спросил невероятно красный Скворцов.

Я даже удивилась, осознав, что сама того не желая пристыдила его.

– По-моему это ты хочешь поругаться или даже расстаться со мной – проговорила я, продолжая вертеть салфетку в руках и размышлять над поведением Скворцова. – Давай обойдемся без фарса?

Мне резко расхотелось спорить с Филом на тему кто и кому неравнодушен. Я уже убедилась в его правоте.

Меня не удивляло то, что Николай втерся в доверие к Илье. Это было его профессией и было бы странно, если бы

у него не получилось это. Куда больше меня волновало то, что он сумел повлиять на него.

Но для чего?

Шутки ради?

Он мстит мне за что-то?

За что?

За то, что я уехала и не спасла его?

За то, что не подставилась под пули убийцы?

А был ли убийца?

– Ты серьезно? – спросил Илья, вернув меня на грешную землю. – Ты уехала со своим фразером, который то ли имеет виды на тебя, то ли не умеет вести...

Было достаточно приподнять брови, чтобы Илья осознал что-то и замолчал. К слову, я сделала это не специально.

– Извини, я не расслышала тебя. Что ты сказал?

– Я сказал, что он не умеет вести себя.

Я тряхнула волосами, как будто сбрасывая наваждение.

– Прости, видимо давление меняется и у меня заложило уши, повтори, пожалуйста еще раз.

– Твой якобы друг не умеет вести себя.

– В ушах шумит, – пожаловалась я, глядя на него. – Повтори еще раз.

Я готова была говорить о проблемах со слухом столько раз сколько это было нужно, чтобы Илья услышал себя. Поступок Фила был хулиганским, но семейную сцену на улицы вынес Скворцов.

– Ты издеваешься надо мной?

Я покачала головой.

– Просто скажи мне: «Ид, я решил, что наши отношения изжили себя» и все, – я схватила чашку из-под кофе, тут же отставив ее в сторону. – А вот этого всего не надо.

Мне нужно было справиться с волнением, но я отодвинула от себя от греха подальше все, что можно было использовать в качестве снарядов – тарелку, чашку, ложки и самое главное ножи.

– Я не хочу осознать, что ты бросил меня где-нибудь в Карсе – я кашлянула, прочистив горло. – Еще хуже – если я пойму, что из-за этой выходки с тобой произошло что-то непоправимое.

Русских часто обвиняют в вызывающей громкости. Я воспользовалась этим предубеждением, чтобы все сказанное мной слышал не только Илья, но и Николас.

– Я уже проходила это.

– Ид, что ты такое говоришь?

Вместо ответа я дернула плечом, посмотрев на свои пальцы.

– Только то, что вижу, – прошептала я, подергав ремешок часов. – А там ты мне что прикажешь делать?!..

Вместо ответа Илья пересел и притянул меня к себе, так что ребра затрещали.

– Прости, я не знаю, что на меня нашло, – прошептал он, поцеловав меня висок. – В голове, словно помутилось.

А я знала и чем больше слушала его, тем больше убеждалась в том, что права и за этим стоит английский козел. Потому что он должен был остыть, а не накрутить себя еще больше.

– Ты просто не слышала, что говорил мне твой якобы друг, когда ты была в машине, – жаловался Илья над моей головой, – сидеть с ним в машине и делать вид, что ничего не произошло было как минимум странно.

А оставлять наедине с потенциальным любовником самое оно!

– Он и раньше так вел себя? – поинтересовалась я, сделав попытку достучаться до его разума. – Почему ты не говорил мне об этом?

– Нет, но...

Илья замялся и даже спустя несколько минут не смог дать внятного объяснения этому феномену.

– Илья, мои близкие очень воспитанные люди, но пусть они бы не стали расстраивать тебя, переводя все непотребства, – я подняла лицо, посмотрев на гладко выбритую щеку Скворцова, – но они бы рассказали о поведении Филлипа мне.

Я поморщила губы, а потом растянула их в милой улыбке, всем своим видом показывая, что случилась какая-то ерунда.

– Мне кажется, что этот твой новый приятель только учится языку и плохо разбирается в его тонкостях.

– Может быть, – вдруг как-то легко согласился Илья, опустив лицо и потеревшись своим носом о мой. – Но он классный мужик.

Я едва удержалась от смешка, опасаясь, что он быстро перерастет в истерический хохот. Мой бойфренд в восторге от моего бывшего мужа, который сделал все, чтобы я послала его в пекло!

– Поэтому ты привел его с собой? – спросила я, легко коснувшись его губ. – Может познакомишь нас друг с другом?

Я не сошла с ума, предлагая это. Просто у меня был маленький план. Мести, естественно.

– Ты действительно хочешь этого?

Илья вдруг напрягся этому.

– Почему я не должна этого хотеть?

– Просто, это вроде должно противоречить какому-то светскому правилу?

Я сдерживала просящуюся на лицо улыбку, подозревая, что она станет своеобразной точкой в сегодняшних эмоциональных качелях. Я зайдусь в истерике. Вопрос только в том, что я буду делать при ней – плакать или хохотать?!

– Думаешь, что есть такое правило? – поинтересовалась я, отложив салфетку на стол и поднявшись из-за стола. – Я хорошо влияю на тебя, Илюш, но сейчас не совсем понимаю, о чем ты.

Я чуточку спешила, беспокоясь о том, что все может испортить Фил. Он мог вернуться в любую минуту и тогда мой

план рухнул бы быстрее чем карточный домик от дуновения сквозняка.

– Мы же уходим, – продолжал противиться Скворцов. – Это вроде как мимоходом.

– Было бы плохо, если бы ты не попрощался с ним, а на все остальное воля Божья.

Жаль бабуля меня не слышит. Она бы поохотала всласть. Я клятвенно обещала ей, что не буду употреблять в своей речи ничего подобного.

– Не удивительно, что ты проникся к нему – он возрастом с дядю Юру[1].

– Ида!

– Что Ида?

Никогда я еще не врала с таким удовольствием как в этот раз, направляясь к выходу, у которого располагался столик Николаса.

– Он ведь и правда старый!

Мне в конец изменило чувство такта, сломался тумблер громкости, а еще было абсолютно все равно на то, что наговорил обо мне Скворцов. Он не рассказал ему о самом важном или же это было глубоко индифферентно Николасу. Последнее делало больно, отключив другие чувства напрочь и требовало отмищения.

– Ида, тише! Он же понимает по-русски!

– А еще он спит, зацепившись за люстру? – хохотнула я, но тут же закусила губу. – Тебе кажется, что я громко говорю,

потому что я шепчу тебе на ухо.

Это было неправдой. Как и многое другое что было сказано конкретно для ушей Николаса.

Он должен был заметить нас, запомнить каждое слово, а после отправиться в отдел с антивозрастной косметикой, препаратами и обувью.

Конечно, бывший муж заметил наше появление, он повернулся в нашу сторону с самым приветливым выражением лица. Его глаза сме...

Плевать на то, что было не так с его глазами!

– Слушай, он и правда все слышит, – прошептала я быстро, вновь мазнув носом по щеке Скворцова. – Неудобно!

– А я тебе что говорил? – осведомился Илья. – Ты меня удивляешь сегодня!

– Тогда я передумала знакомиться! – проговорила я быстро и очень весело. – В другой раз!

Думаю, что он и не понял, как я вдруг оказалась впереди, освободившись из его объятий. Но что-то произошло – то ли меня подвел каблук, ступив на что-то неровное, то ли гравитация, вспомнив что земля не идеально круглая, то ли оброненное что-то на чем я поскользнулась, крутанулась и, потеряв равновесие приземлилась к Николасу на столик.

– Простите! – говорила я на русском, смахнув всю посуду ему на колени. – Пожалуй, мне не стоило начинать свой день с вина!

Задрав задницу, я лежала на столе у Метуэн-Элджерона,

тянула скатерть и продолжала говорить, естественно, уже на французском и, разумеется, совсем другое.

– Остынь, оставь в покое и забудь меня, – проговорила я, отпустив несчастный текстиль. – Козел!

Мы встретились с ним глазами, и я вновь почувствовала то самое давно забытое, но невероятно притягательное чувство – ощущение правильной воды.

Только эта вода сегодня отравила меня, словно капля отравы в озере Ян.

Я выпрямилась, выкинув увиденное из головы и с удовольствием отметила, что на колени Николасу упали не только пирожки и булки, а также кофе и графин с холодной водой.

– Нечего страшного, мадмуазель, – откликнулся француз сначала на русском, перед этим одним движением смахнув натюрморт со своих брюк. – Как ты правдоподобна, дорогая.

Я уже не смотрела на него, оказавшись в руках Ильи.

– Ты как? – спросил он, не просто вернув меня в вертикальное положение.

С возвращением в объятия ко мне вернулась совесть, тихо напомнив о том, что это подло с моей стороны.

– Нормально, но, пожалуйста, пойдем быстрее отсюда!

Все длилось считанные мгновения. Вышло неожиданно и правдоподобно, как и должно было быть у всех хороших девочек, которым требовался тот самый единственный шанс в жизни, чтобы дать волю злым эмоциям. Мой дебют в этом

коварном жанре был успешным и трудно представить, когда бы еще он был бы еще так к месту, как сейчас.

Вот только меня начало трясти.

Не знаю, что было тому виной – осознание, что он жив, устроенный мной спектакль или то, как он обратился ко мне.

[1] Отец Ильи

Глава 13

Глава 13

– Подожди меня, пожалуйста, – попросила я, едва приблизившись к автомобилю Фила. – Мне надо привести себя в порядок.

Я не дошла, да и не дождалась возвращения друга. Слезы подступили к горлу, завладели глазами и принялись дергать губы.

– Фил должен быть где-то здесь, – произнесла я, отворачиваясь от Ильи.

– Ид, ты чего?

– Все в порядке, – ответила я, удаляясь от него. – Надо платье поправить.

Ему позвонили, и он вышел поговорить по телефону, чтобы не напрягать подробностями беседы меня и всех остальных присутствующих.

– Всё хорошо, – проговорила я своему отражению и вновь повторила. – Всё хорошо.

Мои руки дрожали пока я переворачивала сумочку в поисках успокоительных таблеток.

– Он козел, а тебе не повезло разглядеть это, – пробормотала я, выдавливая кругляшки себе на ладонь. – Писец, как не повезло!

Я запила таблетки водой, умылась, застывая над водой,

подняла глаза и обмерла.

До ужаса. До похолодевших внутренностей. До дурноты!

В уборной был еще один человек. Не знаю, как ему удалось оказаться в помещении и при этом не издать ни звука. Но он стоял позади меня, оперевшись на стенку, и смотрел, как я умываюсь, не говоря при этом ни слова.

– Это женская уборная, – заметила я и очень неприлично выругалась про себя.

Надо же было так вляпаться! Вернулась, как злодей на место преступления.

– Это общая уборная, – сказал Николас, оттолкнувшись от стены и направившись ко мне.

– Тогда она занята, – ответила я, смахнув все, что лежало на раковине в сумку.

Меньше всего я хотела видеть его, при этом понимая всю нелогичность своего поступка. Надо было отправиться в соседнюю кофейню и привести себя в порядок там, но уж никак не в эту же с общими удобствами и с посетителем, который должен был пожелать доступа к воде и мылу.

– Это все, что ты можешь сказать мне после того, как сравнила меня с мумией на люстре, – поинтересовался Николас, заняв соседнюю мойку. – Что тут занято?

Желание закричать на него возникло спонтанно. Вероятно, это называлось яростью и было вызвано вовсе не его фальшивой смертью, фееричным появлением, а то, как буднично он произнес мое имя и о чем заговорил со мной.

Это было правильно с точки зрения всего, чему учили меня.

Но дико, если вспомнить, что мы были людьми.

– Отчего же? – спросила я, повернувшись к нему. – Есть еще кое-что.

– В самом деле?..

Я не стала рассматривать его. Знала, что потом... После обязательно что-то будет.

– Пошёл к черту.

Не передать чего мне стоило проговорить это спокойно. Я обогнула его, направившись к двери.

Мне только не хватало, чтобы меня хватился Илья и обнаружил вместе с ним.

Это будет второй страйк.

– К чёрту? – прошипел он, взяв за плечо и дернув на себя.
– К чёрту?!

Все случилось очень и очень быстро. Скорее, чем на мансарде. Но, как и там я оказалась верхом, но не на столе, а на туалетной столешнице и Николас был рядом, но только теперь уже не рассматривал, а смотрел в лицо горящим взглядом и лапал меня, оглаживая ноги и бедра.

– Да! Пошел к черту! – выкрикнула я, ошалев от такого поворота событий. – Отпусти меня!

– Считаешь, что можно послать меня сейчас?!

Между нами завязалась драка.

– Маленькая расчетливая стерва!

Я отталкивала его, осознав, насколько бесстыжей и одновременно беспомощной может быть поза, когда мужчина расположился между бедер и уж не важно горизонталь это, или вертикаль.

– Отойди от меня! – шипела я, сначала отталкивая его, а потом и хлеща по лицу. – Ты мерзкий!.. Извращенец! Подлец! Маньяк!

Он победил меня наконец – заломил мою правую руку за спину и заблокировав ее левой со стороны спины. Свободной же Николас прижимал мою голову к себе, к своему лицу, впился в мой рот своим и целовал, если только это можно было назвать так.

Не было никакого томления, искры и другой чепухи со страниц любимых авторов. Были слезы, что брызнули у меня из глаз от всего, что происходило со мной.

Все прекратилось именно в этот момент, даже не тогда, когда я укусила его.

– Не смей! – выкрикнула я, тяжело дыша и глядя ему в глаза, – Не смей вторгаться в мою жизнь и делать вид, что все нормально!

Я дернула руку, не в силах плакать и смотреть на него. Я опустила лицо только бы он не видел этого ужаса, моей беспомощности и обиды, дрожащих губ и слез, катящихся по щекам.

– Почему ты плачешь сейчас? – спросил он, дотронувшись до моей щеки. – Ида?

Только потому, что он отпустил мою руку, я вновь ударила его, а потом оттолкнула, спрыгнув на пол, когда он все-таки поддался мне и отступил назад.

– Лучше бы ты оставался мертв, как было все эти годы! – выкрикнула я вместо ответа на его вопрос.

Я дернула дверь уборной, выбежала наружу и поняла почему к нам не зашел никто и даже тот же Илья. У входа стояли спутницы Николаса, создавая ощущение ожидания доступа к удобствам.

– Что случилось? – воскликнула одна из них, едва завидев меня.

Я пролетела мимо, игнорируя вопросительные и недоуменные взгляды, какими обменялись эти две... Спутницы, мать их!

– Что случилось? – заговорила одна из них, догнав и дотронувшись до моего плеча. – Он обидел тебя?!

Я дернулась, словно ко мне приложились шокером.

– Отстаньте!

Прикосновение показалось мне не то, что диким, а каким-то актом издевательства.

– Идите к нему! Утешьте! Порадуйте! Еще что-нибудь!

Перебежав через дорогу, я оказалась в соседнем кафе, в котором и должна была быть с самого начала, каким-то образом умудрилась поздороваться с официантом и спросить у него, где здесь находится уборная. Там, запершись в кабинке, я вытерла слезы, доела оставшиеся таблетки и посидела

еще немного, игнорируя запахи, антисанитарию и, собственно, само сидение. Слезы не желали слушаться меня, выбирались наружу, катились по щекам и падали на ткань платья.

– Бокал вина, пожалуйста, – попросила я, выйдя в зал и подойдя к стойке.

Я протянула карту не в силах избавиться от одной навязчивой мысли в матерной форме. Отпуск катился по... Грозился быть испорченным, если только я не сделаю что-то уже сейчас.

– Будь так добры, – добавила я, растянув губы в дежурной улыбке.

Было дурным тоном начинать утро и день с крепких напитков, но я пошла на это. Алкоголь был самым доступным средством, чтобы расслабить натянутые нервы. Поданный бокал я осушила залпом, не ощутив ничего из того, чем так славились французские виноградники.

– Мерси.

Я поблагодарила ошaleвшего бариста и только потом пошла прочь, заставляя улыбке расцвести на своем лице. Теперь это было куда легче, чем прежде.

– Все хорошо? – спросил Фил, едва заведя меня.

– Да.

Илья видимо решил не отставать от предполагаемого соперника и тоже спросил, как я, хотя, в обычной жизни предпочитал не доставать меня расспросами. Он знал еще со времен дружбы, что я не люблю навязчивой заботы и предпо-

читая делиться со всем сама. Знал, но забыл об этом в этот чудесный день!

– Всего лишь расстроилась из-за платья, – ответила я насколько можно просто. – В нем теперь даже сорняки полоть нельзя.

Я вновь врала ему и строила из себя невесть кого. Я была проще, чем сейчас выдавала ему. Мне нравилось выглядеть хорошо, но я любила каждую вещь, что была у меня, действительно заботясь о ней. Это платье отправится в химчистку, а не на помойку, как было сказано Скворцову.

– Это всего лишь тряпка, – попытался успокоить меня Илюха, так и не поняв ничего. – Хочешь, мы пойдем купим новое?

– Не надо, – откликнулась я, продолжая улыбаться и отряхиваться, хотя кроме пятен на ткани и не было ничего. – У меня их полный чемодан.

– Будешь ходить так? – продолжил настаивать на своем Илья. – Ты ведь хотела выглядеть идеально.

Это вино во мне говорит? Или, он докопался до меня?

– Я хотела выглядеть хорошо, Илья, – уточнила я, повернувшись к Филу. – Это разные вещи.

Я просила друга заехать к нему, чтобы переодеться в чистую одежду и может даже принять душ. Мне должно было стать легче после этого. Как говорят психологи? Рутину успокаивает. Вот.

– Хочу знать, что ты говоришь ему, – заявил Скворцов со

знакомыми нотками ревности.

Еще накануне меня бы позабавило это чувство, но только не сегодня. Сейчас оно вызывало во мне только раздражение.

– Прошу заехать к нему домой, чтобы переодеться, – сказала я, взявшись за ручку двери. – Потом попрошу отвезти нас на Елисейские поля и еще куда-нибудь, чтобы ты мог посмотреть город.

Преувеличенное внимание Скворцова, чем дальше, тем больше вызывало раздражение.

– А ты?

– А я сыта им по горло и все, что хочу сейчас так это сесть в поезд и убраться отсюда прочь.

На этом закончили. Илья надулся и это тоже выбесило. Почему я не замечала этого в нем прежде? Потому что он не вел себя так? Или, потому что я взвинчена, накручиваю и мне нужно сорваться на ком-то?

– Карамзина, – позвал Скворцов, когда мы подъехали к дому Филя.

Я не отреагировала на его обращение, потянулась к ручке двери, но он остановил меня.

– Ты можешь сказать мне, что с тобой происходит сегодня?

– Ты серьезно сейчас? Правда?

Я не дала ему ответить.

– А давай ты начнешь с себя и поведешь, что ты творишь сегодня?

Еще вчера я и представить себе не могла, что Илья и эксцентричность идут рядом друг с другом. О нем я всегда думала в надежном ключе, но уж никак не наоборот! Стало даже страшно от одной единственной мысли-вопроса: а что было бы, если бы я взяла с собой Саньку?

– Слушай, мы вроде все обсудили уже – проговорила я, сделав еще одно усилие над собой. – Давай оставим все разговоры на потом?

– На когда?

– На вечер? На завтра? На никогда?

Я очень хотела забыть и не вспоминать несколько часов этого дня. Об этом я заявила Скворцову.

– Если мы будем говорить об этом, то это будет не отпуск, а самый настоящий звездец, – продолжила я, делая медленный вдох. – Я обязательно скажу тебе что-нибудь такое о чем пожалею.

– Может надо сказать что-нибудь такое? Может тебе только кажется, что это звездец?

– Илья, мне надо успокоиться только и всего. Ты со своей настойчивостью делаешь только хуже. Так понятно?

Я была упряма в свое нежелании быть откровенной.

Не думаю, что его порадует заявление, что теперь я сомневаюсь в нем, как никогда прежде. Что мне страшно представить, что было бы, если бы я решила путешествовать втроем, взяв с собой ребенка.

Это другие чувства во мне говорят. Мне нужно сделать

больно совсем другому человеку, а не ему.

– Напомню, что мы дружили с тобой когда-то, – Илья погладил меня по щеке и, потянувшись, коснулся моих губ. – Предлагаю тебе не пожаловаться мне на своего парня и сказать какой же он козел.

Я не оценила его шутку, но приподняла уголки губ, изображая улыбку.

– Попытка засчитана, Скворцов, – прошептала я, уткнувшись ему в плечо носом. – Но я никогда не делала этого прежде и не стану делать этого сейчас.

Он согласился со мной. Но во мне тут же родилось ощущение, что это временное явление и мы обязательно вернемся к «нашим баранам», как говорил жутко не любимый мной учитель математики.

Глава 14

Глава 14

Душ, чистая одежда, прогулка по Парижу, фотографии с вымученной улыбкой, вкусняшки и новые знакомства немного подлечили меня. Настроение из «полный отстой» выровнялось до отметки «день был хреновым и только», когда Фил познакомил меня со своей визави.

– Прости, что я поддерживаю стереотипы о русских людях, – сказала я, обращаясь к Фионе. – Я вовсе не угрюмая, но мне нужно чуть-чуть прийти в себя, ибо я оказалась не готова к встрече с бывшим при подобных обстоятельствах.

– Разве кто-то может быть готов к встрече с миссией? – пошутила она, покачав содержимым бокала. – Но это не худшее, что могло случиться с тобой.

– Что может быть хуже?

Подружка Филлипа произвела на меня впечатление даже не тем, что она выглядела как настоящая парижанка – изящная, стильная и с легким налетом небрежности в своем утреннем образе, а тем, что она умела слушать с таким выражением лица и даже видом в целом, что создавалось полное ощущение того, что ей действительно интересно то, о чем я рассказывала ей.

То есть наше общение не было игрой в одни ворота.

Сначала Фиона поделилась тем, как познакомилась с Фи-

лом, как долго он добивался того, чтобы она бросила взгляд в его сторону и собственными переживаниями о том, а действительно ли ей стоит связываться с таким самовлюбленным красавчиком, как он.

Потом же она полюбопытствовала, что заставляет меня путешествовать с тем, с кем я так несчастна.

Мило, да? А я ведь старалась быть жизнерадостной, словно профессиональный конференсье при объявлении одного и того же номера.

Пришлось постараться разубедить ее в этом и доказать, что Илья тут совершенно не причем.

Второй бокал красного сухого помог – развязал мне язык и не дал плакать при этом.

Перспектива, что я буду спать, а не рассматривать и торговаться интерьером легендарного поезда уже не пугала меня.

– Если бы ты приехала в Париж с ребенком, и он бы признал в нем своего сына, – проговорила девушка, выразительно изогнув брови при этом, – то он мог бы забрать его у тебя, и ты бы не увидела его уже никогда.

Французская система правосудия весьма своеобразна по отношению к родителям и уж не важно кто ты отец или мать. Она основывается на своих собственных представлениях о том, как будет лучше ребенку. Для них не имеет значения, как глубоко привязан последний к любящей матери и то, что не знал своего отца, если по всем остальным статьям ему бу-

дет выгодно быть с воскресшим, очень влиятельным и богатым папашей.

– А ты права, – сказала я, моментально протрезвев при этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.